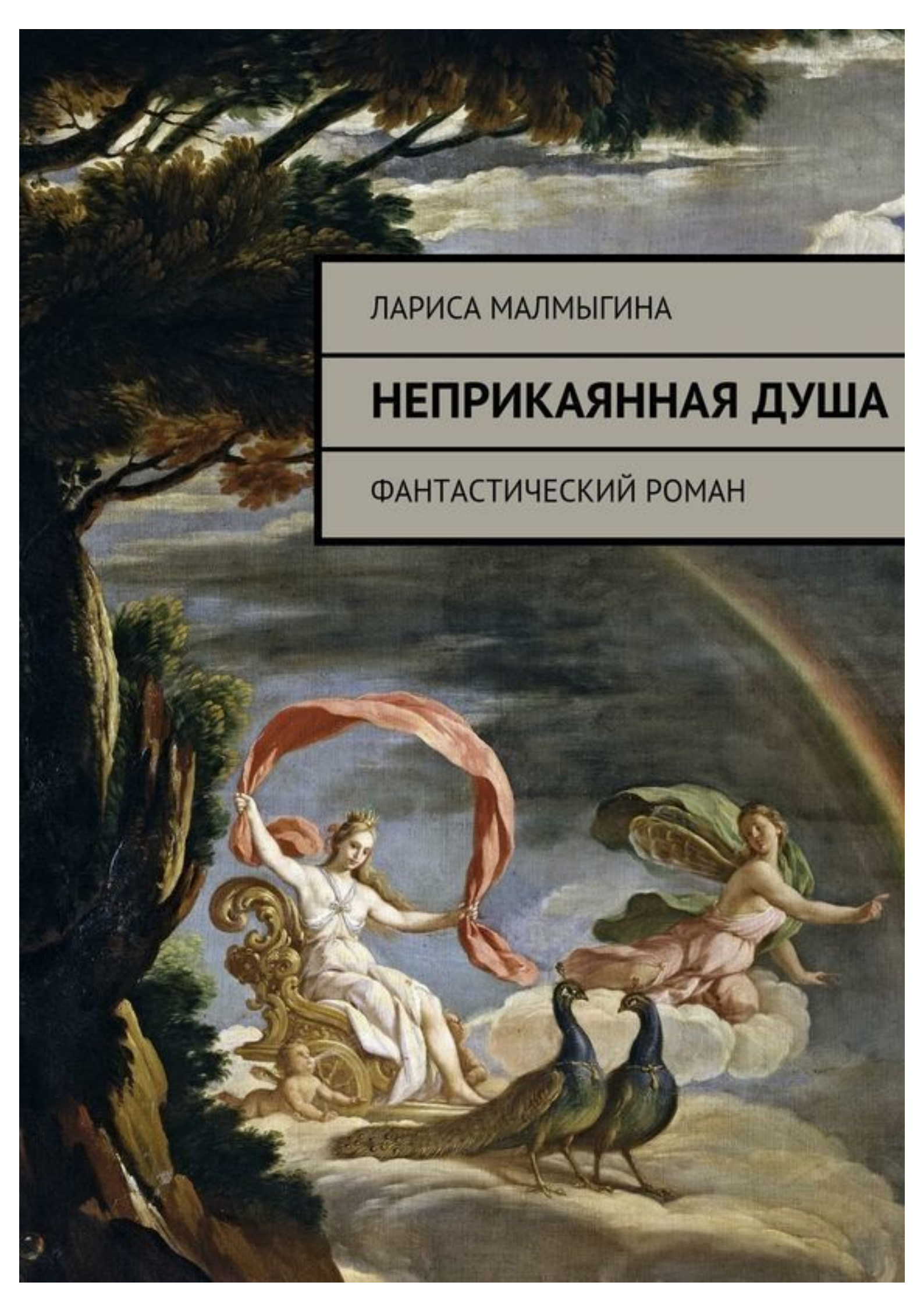

The background of the book cover is a classical painting. On the left, a large, dark tree with dense foliage frames the scene. In the center, a woman with long blonde hair, wearing a white dress and a crown, sits on an ornate golden throne. She holds a long, flowing red cloth that arches over her head. To her right, a winged figure, possibly a cherub or angel, is seated on a cloud, wearing a pink dress and a green cloak. In the foreground, two peacocks with vibrant blue and green plumage stand on a rocky outcrop. A bright rainbow arches across the sky in the background, adding a magical or fantastical element to the scene.

ЛАРИСА МАЛМЫГИНА

НЕПРИКАЯННАЯ ДУША

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РОМАН

Лариса Малмыгина

**Неприкаянная душа.
Фантастический роман**

«Издательские решения»

Малмыгина Л. В.

Неприкаянная душа. Фантастический роман /
Л. В. Малмыгина — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836967-4

Счастливая, безмятежная жизнь Алисы Смирновой, жены
руководящего работника и матери двух взрослых детей, закончилась
в тот роковой день, когда она увидела в зеркале вместо себя
прекрасную девушку. Волею могущественного Повелителя Стихий
героиня брошена в водоворот захватывающих приключений.
Она поднимается в Рай, опускается в Ад, переносится из одного
времени в другое.

ISBN 978-5-44-836967-4

© Малмыгина Л. В.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Жанна	6
Глава 2. Неизвестный	9
Глава 3. Домовой	12
Глава 4. Мадим	16
Глава 5. Измена	20
Глава 6. Брошенная жена	23
Глава 7. Макс	27
Глава 8. Плен	30
Глава 9. Хесед	33
Глава 10. Ангел любви	36
Глава 11. Сергей	39
Глава 12. Зависть	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Неприкаянная душа Фантастический роман

Лариса Малмыгина

© Лариса Малмыгина, 2017

ISBN 978-5-4483-6967-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Жанна

Я стояла возле подъезда и с нетерпением ждала Жанку. Неугомонное небесное светило нещадно слепило глаза, с любопытством заглядывало за пазуху, нещадно жгло голые коленки. Но уходить в прохладу старого, исписанного вдоль и поперек размашистыми перлами тинэйджеров, подъезда не хотелось. Я блаженно, по-кошачьи, шурилась, подставляя под живительную солнечную энергию шоколадное лицо, которым восхищались прохожие мужики, оборачиваясь мне вслед. Впрочем, мои огромные васильковые глаза и белокурые волосы при загорелой на городском пляже коже околдовывали не только представителей сильного пола, бабы поглядывали на конкурентку тоже неравнодушно: кто с интересом, а кто и с ненавистью. Волновало это меня необычайно: порой я горделиво задирала нос, изо всех сил пытаясь сделать вид, что колючие взгляды дамочек мне безразличны, а порой ревела в подушку как семнадцатилетняя девчонка, хотя в сентябре этого года объекту пристального всеобщего внимания должно будет исполниться сорок пять. Ну и пусть, подумаешь, женщине столько лет, на сколько она выглядит.

Жанка была моей младшей сестрицей, призванной злым роком смиренно донашивать вещи счастливицы, которой доставалось все новое в связи с ее удачным перворождением. Мама самоотверженно ухаживала за драгоценными дочерьми, шила обеспеченным людям обновки, а на вырученные деньги покупала нам игрушки и книги, желая лицезреть дочек счастливыми и ничем не обделенными. Папа вкалывал с раннего утра до позднего вечера, но достатка семья не видела, да и ютились мы четвером в двадцатиметровой каморке сталинской пятикомнатной коммунальной квартиры.

Прошли два десятилетия, мы обе повыскакивали замуж. Жанка, послушавшись наставлений строгих родителей, упорхнула в Сибирь с хмельным трактористом, которого откопала в какой-то дремучей деревушке, поехав туда на каникулы с подругой, а потом разошлась, родив своему благоверному троих деток: девочку, девочку и еще раз девочку. А оставшись в гордом одиночестве, без крепкого мужского плеча, поняла, что никого ближе и роднее меня у нее нет, а потому собрала в подол своих отпрысков и прикатила на соседнюю улицу. К тому времени от рака почилла наша общая тетка, оставив неудачливой племяншке четырехкомнатное гнездышко на третьем этаже и три солидненьких сберкнижки. Для моего окружения лишение меня наследства стало шоком, но я восприняла утрату богатства спокойно. Равнодушия к деньгам я не испытывала, но терять сестренку из-за аппетитно шуршащих бумажек не хотелось, да и суды-пересуды изрядно расшатывают нервы. А поскольку по гороскопу я дева, рациональность данных мероприятий подверглась моим искренним сомнениям.

Жанка появилась передо мной внезапно, будто выросла из-под земли. Глаза ее цвета созревшего персика были полны прозрачной влаги, а тонкие, изящно вырезанные губы жалобно подрагивали. Решительно тряхнув рыжей гривой и вцепившись крепкими деревенскими пальчиками в руку терпеливо ожидавшей, сестричка потащила ее в темную, пропахшую сыростью, пасть подъезда. Обмякнув, мое тело безропотно последовало за захваченной в плен верхней конечностью, которую сестра отпустила только в квартире, принадлежавшей мне и моему мужу.

– Что сказал врач? – пугаясь своего голоса, спросила я.

– У меня рак, – сотрясаясь от рыданий, мяукнула Жанка.

– И какой степени? – ощущая, как земля уходит из-под ног, а потолок начинает медленно вращаться, прохрипела я.

– Первой, метастазов вроде пока нет, но медлить нельзя. Через неделю операция, – в ее зрачках я уловила искру надежды, которая тотчас погасла.

Стремительный вальс с погребальным акцентом в моем воспаленном мозгу начал постепенно затихать, и крепко обняв ее, мою единственную и несравненную, я как-то сразу болезненно осознала, что без Жанночки не будет мне жизни, что следующие похороны я попросту не переживу. Слишком много близких проводила я на тот свет за сравнительно короткое время: папу, маму, трех теток, двух дядюшек, а также двоюродного братишку, проигранного в карты и потому повешенного негодяями в собственной комнате.

Когда заплаканная сестренка испарилась, я ринулась со всей прытью, на которую еще была способна, к стеллажам, уютно разместившимся в маленьком кабинетике нашей шестидесятиметровой квартирki, которая в эпоху новых русских казалась пародией на полноценное жилье. А книг у нас было много. Сколько помню себя, мы доставали их и в спекулятивные советские времена: тоннами сдавали макулатуру, мерзли долгими ночами в угрюмых очередях дабы записаться на вожаделенные тома обожаемых классиков, обменивались новинками с друзьями, даже ездили к родственникам в Среднюю Азию. Там, на прилавках маленьких узбекских магазинчиков, неизменно покоились невостребованные фолианты любимых и до поры неизвестных авторов. Обливаясь потом, мы под завязку загружали трофеями старенькие жигули и с песнями катили по раздолбаным эсесесеровским магистралям к родному уральскому городу. За нашими напряженными спинами на источниках всевозможных знаний возлежали счастливые наследники. Созерцая экзотические пейзажи за окнами, они повизгивали от удовольствия и уплетали за обе щеки очередную вкуснятину, добытую подле дороги у местных коммерсантов, а именно: арбузы, дыни, урюк или копченую казахстанскую рыбку.

Книжное изобилие, свалившееся на матушку Россию в последние годы, застало нас врасплох. Первое время я с воодушевлением сгребала с прилавков все подряд, затем стала постепенно уменьшать количество купленных экземпляров, потом перешла на мудрые справочники, постепенно осознавая, что стать обладательницей всех изданных томов просто невозможно. Но справочники мне были жизненно необходимы, так как в эпоху книжного изобилия получить компетентный совет стало легче от несловоохотливого, но предельно честного бумажного консультанта, чем падкого на деньги специалиста. Медицинская литература была моим хобби, а потому, забравшись с ногами на тахту, я впиалась глазами в страницы, информирующие меня о методах лечения ненавистного всему человечеству рака.

В детстве, когда кому-то хотелось меня подразнить, все сразу вспоминали лису Алису и ее незабвенного кавалера кота Базилио. Я переживала это необычайно и дико ненавидела свое имя. Базилио в то благословенное время тоже имелся, даже целых два. Они сидели на задней парте, бесстыдно списывали у меня домашние задания, бесцеремонно провожали до дома и по вечерам устраивали разборки на тему «кто на свете всех милее?» с фанатами другой представительницы прекрасного пола; а моей соперницей по красоте была Натка Егорова, обольстительная тонкая брюнетка с зелеными томными глазками. По утрам, приходя на уроки и пряча от суровых педагогов ссадины и синяки, мальчишки воинственно поглядывали друг на друга и с нежностью на своих кумиров. Ласковых взглядов двоих Базилио я не переносила, хотя искренне уважала их за стойкость и преданность. Но когда мои воздыхатели сколотили небольшую шайку и темными ночами стали отлавливать не согласных с их компетентным мнением, забеспокоилась не только школа, но и районная милиция; а я под шумок переехала в другой микрорайон, не оставив никому нового своего адреса, благо, папе моему как раз вовремя дали трехкомнатную квартиру. К сожалению, и здесь беглянке не повезло: местный авторитет, рыжий качок Димка, в которого были влюблены все девчонки класса, возненавидел меня с первого взгляда. Он дерзко дергал новенькую за косички, подкладывал на парту кнопки, приучая ее к величайшей осторожности. И снова я стала лисой Алисой, но только без верных Базилио. Прочие представители могучего пола связываться с Рыжим не возжелали. Они стыдливо отворачивались в сторону, когда их квад-

ратный лидер из всех сил старался обратить на себя мое внимание. Это потом я узнала, что самоуверенный Димка был по уши влюблен в меня, но тогда слез в девичью свою подушку я пролила немало.

Папочка скончался внезапно в той самой трехкомнатной квартире от инфаркта. Да и немудрено было умереть в ней, поскольку творилось там что-то невероятное. В свое время умудренные опытом друзья просили родителей отказаться от нового жилья, так как построено оно было на месте разрушенного старинного кладбища. Но, прожженные атеисты, предки проигнорировали советы приятелей. А после заселения по ночам нас стали тревожить необычные звуки, будто эхом разносившиеся по квартире: вздохи, шорохи, шелест переворачиваемых страниц старых газет, стопкой покоящихся в прихожей на стиральной машине. Я просыпалась по утрам и с ужасом обнаруживала следы от чьих-то пальцев на груди, ягодицах, руках и ногах. Папа с мамой молчали, но были подавлены и сосредоточены. Это должно было чем-то закончиться. И закончилось – папы не стало. Мы остались втроем, а потому вопрос о моем обучении в вузе отпал сам собой. После восьмого класса я поступила в здешнее медицинское училище, простившись не только с взлелеянными мечтами о любимой профессии журналиста, но и с возможностью зарабатывать приличные деньги. Годом позже Жанка тоже поступила учиться, но в ПТУ на лаборанта, дабы иметь возможность бесплатно питаться и одеваться в добротные казенные одежды. Квартиру мы поменяли на двухкомнатную, взяли небольшую доплату, чтобы как-то худо-бедно просуществовать в безденежные студенческие времена. Прошло некоторое время, и однажды я встретила его, того, о ком мечтала всю свою сознательную непорочную жизнь. На очередных танцах в доме культуры он несмело подошел ко мне, и больше мы не расставались. Поженились спустя полтора месяца после знакомства, и переехала я к мужу в другой город. Во время буйного цветения черемухи сбылась наша мечта: проклюнулся на свет божий красавчик-блондин Олежка, а через пять лет после этого знаменательного события решила осчастливить своим рождением грешную землю и Алиночка, обворожительная брюнеточка с сильным, волевым характером. Муж мой, Сергей, учился на вечернем отделении института, а я в одиночку усердно осваивала профессию воспитательницы, так как несостоявшиеся бабушки бескрылых ангелочков, игнорируя своих образцово-показательных внуков, экстренно повыскакивали замуж, став изумительными няньками для новоиспеченных мужей.

Как-то незаметно прошла молодость. Олег окончил престижный вуз с красным дипломом, а Алиночка, в девятнадцать лет став женой плечистого одnogруппника, перешла на пятый курс университета, надеясь защититься тоже на «отлично». Недавно женился и мой нежный сын. Все сбережения нашей совместной жизни ушли на покупку ребятам жилья, разумеется, не без помощи любящих родителей невестки и зятя. Зато теперь мы остались одни, я и мое сокровище-муж, сделавший, между прочим, приличную карьеру при очень скромном для его положения в обществе заработке. При всех видимых и невидимых недостатках небольших зарплат у них имеется один, но большой плюс: люди, отказывающие себе в «левых» деньгах, спят спокойно.

Уже несколько лет я не работала: надоело делать вид, что зарабатываю деньги на поприще бесплатной, безучастной к судьбам так называемых простых людей медицины, да и здоровье стало давать сбои после внезапной кончины мамы. Она умерла в ванной от сердечного приступа после того, как от нее ушел молодой муж. Он встретил «свеженькую» цветущую бабенцию моих лет и недолго думая предложил ей свою ненадежную руку, ветреное сердце. Та приняла эти «сокровища» с невообразимой радостью, да только долго они не прожили: попали в автомобильную аварию. Воистину, подлость и предательство караются Всевышним либо на этом свете, либо на том. Иначе жизнь просто теряет смысл.

Глава 2. Неизвестный

Просмотрев один за другим медицинские справочники, я перешла на книги по практической белой магии в поисках заговоров, в которые поверила, когда мгновенно свела у себя ячмень. Лихорадочно выписывая в толстую тетрадь все, что касалось лечения онкологии, я грезилась, что спасу Жанну, одновременно прокручивая в памяти всевозможные молитвы известным истинно верующим святым. Однако же, наученная горьким опытом, я по-настоящему доверяла только своим силам, отлично осознавая, что недоступное небо и на этот раз останется равнодушным к горю маленького, беззащитного, им же сотворенного человечка, до сих пор отвечающего за грехопадение праматери Евы.

Устав от монотонной работы, я сладко зевнула и прилегла на старый эксклюзивный диван, изготовленный первыми кооперативщиками в начале диких девяностых. Сие произведение высочайшего кустарного искусства никак не желало ломаться, дети раритет к себе не брали, продавать бэушные вещи я не умела, а потому приходилось мириться с его присутствием, дабы выбрасывать старого друга на свалку не поднималась совестливая рука. Задремала я быстро и снова почувствовала на своих губах легкое дуновение, будто кто-то невидимый ласкал жарким дыханием мой рот; затем трепетный ветерок сладкой истомой прошелся по голове, туловищу, рукам, ногам...

Неимоверными усилиями сбросив остатки сна, я рывком вскочила с дивана. Наваждение прошло.

«У самой внуки на подходе, – запивая разыгравшуюся фантазию холодной водой, подумала я, – а туда же: недозволенной любви ей захотелось. Знал бы Сергей»...

Телефонный звонок прервал обличительный внутренний монолог. Звонила Жанна.

– Нашла что-нибудь? – хрипло поинтересовалась она.

– Конечно, сестричка, тысячу методик. Мы вылечимся, обязательно вылечимся, – голосом пятилетнего ребенка, получившего только что долгожданный рождественский подарок, радостно пропищала я, – главное, сделай операцию!

– А потом? – Жанка вновь залилась слезами.

– Все будет хорошо, – авторитарным тоном всезнающего директора школы изрек мгновенно повзрослевший детеныш, – присылай Аллочку за конспектами и книгами.

Жанка отсоединилась. К слову «спасибо» я не привыкла: мне никто никогда не говорил «спасибо» видимо потому, что никто никогда у меня ничего не просил. Я делала для всех все сама, только страждущему стоило о своей просьбе подумать. Как волшебник: надо – извольте!

Алка – младший отпрыск Жанниной семьи, моя любимая племянка, явилась минут через пятнадцать в то время, когда я раздумывала над тем, чем же мне вечером накормить изголодавшегося мужа. Стряпать я обожала, считалась в честном народе образцовой хозяйкой, но в данной ситуации осмыслить, что бы такое мне поставить на стол к приходу боготворимого супруга, не могла. Аллочка плакала, слезы струились по ее нежным пятнадцатилетним щечкам, она вытирала их тыльной стороной ладошки, шмыгала маленьким конопатым носиком и тихонечко подвывала. Я обняла тоненькое, дрожащее тельце и почувствовала что, что бы ни случилось в этом несправедливом мире, где старики, которые не в состоянии обслужить себя, живут, проклиная свое никому ненужное существование, а молодые внезапно и нелепо умирают, я никогда, никогда не оставлю эту девочку.

По характеру последыш милой сестрицы напоминал мне Настеньку из сказки «Морозко». Старшие ее дочери были замужем, имели на две семейки трио мальчиков и дуэт супругов. И все каким-то образом умудрялись помещаться в одной четырехкомнатной квартире. На оставленные тетушкой деньги Жанна купила домик в деревне, в который они уез-

жали на выходные дни всей оравой, оккупируя на четверть пригородный автобус. Остальные «бабки» диковинно испарились. Куда их потратила наследница, никто не знал.

Вручив Аллочке кипу научных, и не совсем, трудов многочисленной армии изобретателей от медицины и магии, я вновь почувствовала эфирное прикосновение к своим волосам. Тихонько, про себя, я выругалась и твердо решила сходить к психотерапевту. Но тут, взглянув в испуганные глаза племянницы, поняла, что ОНА ЧТО-ТО ВИДИТ. Помертвевший взгляд девочки замер на определенном предмете, явно не внушающем ей доверия. Я резко обернулась: неясная серебристая тень метнулась к портьерам и в мгновение ока растаяла в проеме окна. Коленки мои предательски задрожали, хотя разум с пеной у рта бросился доказывать им, что это всего-навсего банальная зрительная галлюцинация. Ойкнув, Алла начала медленно съезжать по стене, конвульсивно захватывая алебастровыми устами ионизированный воздух моей обожаемой квартиры.

– Успокойся, это игра теней, – с состраданием наклонившись над хрупким обмякшим тельцем, пролепетала я.

– А почему эту игру увидели мы обе, и сразу? – икнула бедняжка, приоткрывая черный зрачок в левом карем глазу.

– Бывают же массовые обманы зрения, – поглаживая блестящие рыжие волосы трусишки, натянуто улыбнулась я, – например, пресвятая Богородица не раз являлась народу.

– Наверное, – шмыгнула носом Аллочка, метлой выметаясь в коридор.

Наконец-то я смогла сесть на диван и серьезно обо всем подумать.

Родилась я тринадцатого сентября в глухую полночь. Не придавая этому значения в молодости, в зрелом возрасте я стала обращать внимание на то, что порою со мной творятся, мягко говоря, необъяснимые вещи. Возможно, виновата в этом чертова дюжина, возможно, просто обстоятельства, но только стоит кому-то оскорбить меня, заставить заплакать, через некоторое время у него возникают серьезные проблемы в жизни. Я не желаю никому зла, стараюсь не обижаться на обидчиков, зная про грустные последствия, ожидающие их, но жизнь распоряжается по-своему. То же случилось и с моей Жанкой. Когда умирала от рака тетка, сестричка, зная про завещание, заблаговременно оформленное на ее имя, не приехала ухаживать за страдальцей и хоронить ее. Она без особой благодарности приняла у благотельницы высланные ей на дорогу деньги, а затем просто исчезла с нашего поля зрения. Весь утомительный процесс ухода за умирающей, а также душещипательные проводы на тот свет легли на мои хрупкие плечи. Сначала я плакала от отчаяния, стирая испачканные простыни и пеленки несчастной, которая, ко всему прочему, не желала признавать памперсы, бегая по магазинам за продуктами, так как тетушка, несмотря на страшную болезнь, обладала повышенным, не свойственным онкологии, аппетитом, прибирая насыщенную человеческими испражнениями квартиру. Потом успокоилась. Но даже в самое трудное время, покорно подставляя фиолетовые ягодицы под жуткие шприцы с сернокислой магнезией, чтобы снизить высокое кровяное давление, которое в те страшные дни преследовало бесплатную сиделку и уборщицу, я не хотела зла Жанне.

И еще: иногда я знаю то, чего совсем не знаю. Например, представляют мне совершенно незнакомого человека, а имя его уже настырно крутится в моей голове. И не только имя. Но и отчество, фамилия, место жительства.

После ухода в мир иной папы, мама осталась одна, ни за что не соглашаясь переехать ко мне в соседний город. Она каждый божий день ходила на кладбище, жгла ночами перед иконами свечки и тихо угасала. Тогда и посоветовали ей люди пустить в дом квартирантку – молодую женщину с десятилетним ребенком. Не зная об их совете, однажды, лежа на своем раритетном диване, я увидела под потолком такую картинку: крашеная блондинка Роза ходила по квартире моей юности и вытирала пыль с полированной мебели мокрой тряпкой, чего моя требовательная родительница не разрешала делать нам строго-настрою,

объясняя запрет тем, что «полировка после воды всенепременно побелеет». Около злостной нарушительницы хозяйских законов бегал мальчик и изъяснялся с нею на пальцах.

– Его зовут Альберт, – с готовностью шепнули мне на ухо, – позвони домой.

Звонок не принес сюрпризов.

Роза с сынишкой прожила у мамы довольно долго, но потом вышла замуж и исчезла, забыв заплатить за квартиру и прихватив на память о совместной жизни новую норковую шапку хозяйки. В милицию мы заявлять не стали: бог с ней, крашеной блондинкой, ее и так жизнь наказала, наградив глухонемым ребенком.

А спорить вы с собой умеете? Мне постоянно приходится оппонировать кому-то неведомому, защищая свои интересы.

– Нельзя, – говорит он мне, – нельзя грубить старшим.

– А если этот старший, спекулируя возрастом, хамит окружающим? – удивляюсь я.

– Все равно, – пищит зануда. – Старики прожили трудную жизнь, у них не в порядке нервы.

– Значит, нужно усложнять существование тем, у кого трудная жизнь впереди? – интересуюсь я.

– Нельзя, – шепчет упрямец, – в библии сказано...

И назло докучливому полемисту я врубаю музыку и наслаждаюсь временной передышкой, после которой он снова заводит разговоры на аморальные темы.

– Шизофрения, – ворчу я, прекрасно осознавая, что не будет мне в этой жизни покоя, потому что покой не для меня.

Несмотря на мое невольное общение с потусторонней силой, с финансами нам не везет. Неизменно находится субъект, которому нужна материальная помощь; мы вкладываем в него деньги, мечтая о тех счастливых временах, когда наконец-то проживем для себя. Только эти времена никак не хотят наступать. А самый большой шок мы пережили в начале девяностых, когда кучка предприимчивых чиновников от правительства оставила нас буквально без копейки, превратив в мыльный пузырь все, что мы накопили за первую, самую работоспособную половину жизни. Попросту, не церемонясь, залезли в наш карман, выгребли из него «бабки» и, не извинившись, не получив никакого срока от «самого справедливого суда в мире», мимикрировав, остались на своих высоких постах, создавая коррумпированное общество расхитителей и убийц. Наказали высшие силы высокопоставленных кидал или нет – мне неведомо. Но что поделаешь, утраченного не вернешь, а жить дальше нужно. Жить и раны зализывать

Глава 3. Домовой

Как-то незаметно прошел месяц. Жанну прооперировали, и чувствовала она себя, вроде бы, неплохо. Хороший уход в онкологическом стационаре, разумеется, не бесплатный – наше постоянное внимание сделали свое дело: сестра стала улыбаться. Я молилась за нее и даже несколько раз посетила церковь. Жанночку выписали из больницы, сказав, что она практически здорова. Поднатужившись, Лена, Ксюша и Аллочка приготовили званный ужин, на который приехали Олег с женой Олей да Алинка с мужем Артуром. Сергей, как всегда, был в командировке, а я, как обычно, представляла старшую пару Смирновых в единственном числе.

Почувствовав на себе внимание взрослых, Жанночкины внуки воодушевились и мгновенно преобразились в краснокожих хулиганов. Получив милостивое разрешение от доброй бабушки, плоды зарегистрированной любви разделись до трусов и, издавая дикие вопли, опрокидывая все, что попадалось на пути, неистово поскакали на клюшках и швабрах, даровито изображая лихих наездников. Изловчившись, самый старший из «индейцев» схватил за хвост серую кошку, намереваясь содрать с нее скальп. Но излишне строптивая жертва не согласилась с его воинственными намерениями: она истошно заголосила, талантливо подражая своему мучителю. Я искоса взглянула на милое семейство сестрицы, стараясь найти в лицах родственничков хоть малую толику жалости к пушистой страдальце.

– Ах вы, маленькие фашисты! – возмутилась Алинка, искренне обожавшая животных.

– Отпустите Мурку, – несмело одернула племянников покрасневшая от стыда Аллочка.

– А ты не лезь не в свое дело, – огрызнулся один из зятьев, светлоокий Толик, показывая золотку веснушчатый кулак.

Мальчишки застыли в недоумении, не зная к чьему компетентному мнению стоит прислушаться, но злополучную животинку отпустили.

Наступило молчание. Воспользовавшись тишиной, я поинтересовалась у сестры, собирается ли она лечиться дальше по всезнающим моим книгам. Скорчив недовольную гримаску, Жанна отмахнулась от меня, как от назойливой мухи. Зная ее необычайное упрямство, настаивать на профилактике заболевания было бесполезно, а потому, вздохнув, я нехотя подчинилась злой воле неразумной хозяйки несчастного, истерзанного скальпелем, тела.

А дома меня ждала Марго. Совсем недавно ее я нашла в виде жалкого промокшего комочка во дворе соседнего дома. Черная, пушистая, удивительно умная, она сразу завоевала любовь всего нашего семейства. С прибытием загадочной кошки я перестала чувствовать нежные прикосновения невидимого существа, которых боялась, но которых ждала. Визит к психотерапевту по такому случаю пришлось отложить до худших времен. Все свободные часы, за неимением внуков, я отдавала очаровательной питомице. Марго, непокорная и гордая по натуре, приучилась есть фрукты и овощи, справлять естественные потребности на унитазе, кокетливо подавать лапку, здороваясь с гостями. Казалось, она понимает меня с полуслова: стыдится, когда ее ругают и радуется, когда ее хвалят. Только ночами, на полнолуние, кошара таинственным образом исчезала. Пробовали искать ее. Бесполезно. Тогда решив, что чернушка прячется от дотошных людей за мебельной стенкой в гостиной, мы обреченно махнули рукой. Каждое живое существо имеет право на свободу.

В тот незабываемый день я сидела с томиком Есенина, которого читала с детства, на «любимом» мною кооперативном диване. Был полдень, но супруг на обед не торопился. Я начинала нервничать, так как мобильник Сергея был вновь недостижим. Грохот падающей посуды заставил меня последовать на кухню. В царстве кастрюль и сковородок все стояло на месте. Марго, неловко примостившись возле батареи центрального отопления, свирепо тарщила глаза на угол за холодильником. Я оглянулась: небольшое, серое существо, похо-

жее на старичка-боровичка из мультика моего детства, толстенькое и бородатое, забилося в потайное местечко, видимо, надеясь укрыться от посторонних взоров. Взглянув на меня ясными небесно-голубыми глазами из-под кустистых седых бровей, странный дедуля еще сильнее вжался в облицованное отечественным кафелем укрытие. Чувствуя, что легкомысленный потолок вот-вот обвалится мне на голову, стараясь устоять на ватных ногах и унять дикое сердцебиение, я почему-то тоненьким, младенческим голоском пропищала:

– Кто вы?

Толстячок заерзал, замотал реденькой бородачкой, сомкнул пухленькие ладошки и прижал их к груди.

– Пожалуйста, не бойтесь меня, я сама боюсь вас, – ощущая себя полной идиоткой, попыталась уговорить я молчаливого визитера.

– М... м, м... гу..., – мягко ответил мне необщительный гость.

– Кто вы? Давайте познакомимся! – не отставала я от кроткого привидения.

– Хм..., Хм..., – прошамкал пришелец, с интересом оглядывая с ног до головы назойливую прилипалу.

– Хозяйка этого жилища будет вашим другом, если вы не собрались ограбить ее дом, – глупо улыбаясь, пообещала я.

– Меня зовут Карлос, – приглушенно прошелестел призрак. – Не извольте беспокоиться: я сам хозяин этой замечательной квартиры.

– Ааааа, домовой! – обрадовалась я, понимая, что ничего не понимаю.

Пришла пора спешно звонить в «скорую» и вопить истошным голосом: карету мне, карету!

Психушка находилась в соседнем квартале за глухим трехметровым забором, неумело окрашенным в ядовитый зеленый цвет, отбивающий желание у прохожих менять крошечные непомерно дорого оплачиваемые квартирны на просторный бесплатный казенный дом.

– Вы считаете меня красивой галлюцинацией? – обиделся бородач. – А зря. Маргарита скажет, что это не так.

Неблагодарная черная бестия согласно закивала умильной предательской башкой.

И тут оглушающе прозвенел звонок. Я вздрогнула и пустилась стрелой в коридор. Приехал на обед долгожданный супруг, вернее его, как дорогостоящую посылку, бережно доставил адресату улыбочивый водитель Андрей, который частенько и с превеликим наслаждением дегустировал мои гастрономические изыски. Впрочем, я обожаю кормить. Совершенно всех, кто подвернется под руку: людей, собак, кошек, птичек. Особенно птичек. Кормушки для них развешаны в нашей квартире на каждой форточке. Возле подъезда я оборудовала нечто похожее на кафешку для дворовых животных. Вначале уважаемые соседи, обозревая выброшенную, по их мнению, добротную еду, крутили пальцами возле умных своих висков, а потом привыкли. И потихоньку сами стали выносить разнообразный корм для обреченных на голодную смерть хвостатых жителей родного микрорайона.

– Обед готов? – муж сиял, как начищенный самовар, и подозрительно оглядывал мою растерянную физиономию.

– Угу, – не отвечая на улыбку царственного супруга, промывчала я и, спотыкаясь, поплелась за ним на готовую преподнести новый сюрприз коварную кухню.

Марго на ней не было, Карлоса тоже.

До позднего вечера блудливая котятра где-то скрывалась. А я не находила себе места, мучительно пытаюсь разобраться: было ли увиденное в столовой на самом деле. К ужину проголодавшаяся Марго внезапно появилась на кухне, лениво подошла к своей тарелке и с трогательным аппетитом доела остатки свиного гуляша. А потом лукаво покосилась на меня. И я была готова поклясться всеми святыми, что она ухмыльнулась, полуобнажив крепкие, острые клыки. Мне стало не по себе, но Сереге, вернувшемуся домой раньше обыч-

ного времени, я ничего о дневном визитере не рассказала: усталый супруг нуждался в покое и отдыхе.

Легли спать мы довольно рано, утомленный муж сразу отключился, а я долго крутилась в постели, прислушиваясь к каждому шороху. Стояла тишина, только изредка кто-то неведомый вздыхал и надоедливо шелестел газетами. Где-то, отчаянно призывая вакантного усатого кавалера, завывала озабоченная продолжением рода кошка, да иногда бегал вверх-вниз нещадно эксплуатируемый лифт. Казалось, домовый и веселая черная бестия остались в далеком детстве; долгожданный покой расслабил мои утомленные члены. Я блаженно зевнула, но тут возле моего носа проявилась язвительная улыбка белозубой Маргоши. Она стала медленно разрастаться в разные стороны, постепенно заслоняя собой вдохновенное лицо бездумно почивающего Сергея.

– Хорошо-то как, – польстила я пушистой колдунье и стала проваливаться в тягучую, медовую бездну.

Вдруг что-то живое и мохнатое коснулось моего лица. Ожидая увидеть эксцентричную животинку, я неохотно приоткрыла глаза и тотчас же вскочила с кровати. Передо мной висел в воздухе недавний призрачный посетитель. Сердце учащенно забарахталось, призывая разбудить мужа, но дальновидное привидение прислонило к губам указательный палец и помашило меня в сторону кухни. Словно загипнотизированная, я подчинилась его воле.

На кухонном столе горел ночничок, которого у нас отродясь не было. За ним сидел широкоплечий мужчина в черном капюшоне и что-то писал.

– Это сон, – сказала я себе и шлепнулась на табуретку возле писаря.

Он неспешно поднял тяжелую голову. Лицо таинственного незнакомца нельзя было назвать некрасивым, и в то же время оно отталкивало от себя чем-то неуловимым, но вполне осязаемым.

«Как в американском ужастике», – продолжая исследование диковинного визитера, подумала я.

Черные кудри тугими змеями обвивали его мощные плечи, огромные бездонные глаза, с ненасытностью всасывающие собеседника в свои неизведанные глубины, испытывающе устремились на мою скромную персону, а белоснежные зубы насмешливо сверкнули ослепляющим жемчугом из-под больших властных губ.

– Кто вы? Как вы сюда попали? Это наша жилплощадь. Сейчас вызову доблестную милицию, – памятуя о драгоценном сне уставшего кормильца, отрешенно прошептала я.

– Меня звать Мадим, сударыня. Хм, ваша квартира? Весь мир – мой дом, потому что я повелеваю страшной силой, способной превратить в развалины целые материки, – голос его, глухой и печальный, будто сладкой патокой вливался в мой воспаленный мозг.

Пришелец, не раскрывая рта, передавал свои мысли на расстояние, а я каким-то образом внимала его абсурдным речам.

– Чем вас прельстило мое скромное жилище, господин международный террорист? – растерянно съязвила я, – И сколько килограммов тротила под вашим плащом?

– Я – дух стихии, Алиса, – тяжело усмехнулся развенчанный боевик. – Вы не такая как все люди, а потому мне велели найти вас.

– Для чего? – «не такой как все» стало по-настоящему страшно. – Я в чем-то провинилась перед Сатаной?

– Непростительно ошибаетесь, – взорвался неизвестный. – Мы – не злые силы, мы – силы природы. Мы женимся и размножаемся, смешиваясь с человеческой средой; мы знаем все, что происходит, мы можем производить потомство, но Творец не дал нам бессмертной души. Вы, люди, – великие грешники. Нет такого греха, который не совершило бы человечество. Мы грешим меньше, и зависть не дает нам покоя. Почему Всевышний так несправедлив?

– Это вы спрашиваете у меня, простой женщины? – покрываясь омерзительно-щекочущими мурашками, преувеличенно вежливо поинтересовалась я.

– Вы не простая, – прищурил орлиные глаза капюшон, – вас Он послал в этот мир не случайно.

– На каких фактах основаны ваши умопомрачительные заключения? – заново удивилась я.

– На знании законов бытия, – не растерялся потусторонний болтун. – Вы должны мне помочь обрести душу.

– Но как? Коим образом?

– Об этом узнаете позже, – неожиданно вскочил на ноги призрачный демагог. – До скорого свидания, прекрасная землянка.

Мадим растворился в воздухе, словно банальный дым от банальной сигареты. Потрясенная, я затравленно огляделась по сторонам. На кухонном столе, возле старинного медного светильника, важно восседала Марго. Над ее головой парил в воздухе Карлос.

– А слона-то я и не приметил, – зачем-то продекламировала я старика Крылова.

– Спокойной ночи, – провещал невыразительным голосом домовый.

– Ага, – согласилась я и пошла в спальную, чтобы остаток темного времени суток забыться тяжелым сном.

– Послушай, дорогой, твоя жена смотрела ночью обалденный сон, – промурлыкала я, проснувшись к одиннадцати часам утра, так как была суббота.

Муж, упакованный в дорогой синий костюм, стоял возле супружеского ложа с вчерашним ночничком в руке. Поцеловав мою золотую макушку, он рассмеялся:

– Что за обворожительную вещичку ты притащила домой, Алиска? Раритетная лампадка!

Если бы над головой мгновенно разверзся потолок, а оттуда грянул гром, и сверкнула молния, это бы так не поразило

меня. Выходит, весь кошмар, который я в избытке прочувствовала ночью – чистая правда, следовательно, я кому-то что-то должна

Глава 4. Мадим

Неделю Марго ходила, притворяясь обыкновенной домашней кошкой. Целых семь дней я жила в постоянном напряжении: отчего-то с нетерпением ждала Мадима и до колик в животе боялась его появления. Жанне и Сергею о своих необычайных знакомствах я решила не рассказывать, опасаясь их справедливых насмешек. Да и какой нормальный человек поверил бы в существование привидений и домовых? А в улыбающихся черномазых кошек? Разве только ребенок. Но муж, сестра и даже наследники давно вышли из детского возраста, а потому шансов на понимание у меня не было. Время от времени я бегала к Жанке, чтобы помочь ей по хозяйству. А однажды застала ее в ванной: безмозглая сестричка, наслаждаясь ароматной пеной, безмятежно возлежала в горячей воде.

– Что ты делаешь? – испугалась я. – Тебе нельзя париться, дорогая

Мстительно усмехнувшись, вредина резво замотала мокрой непутевой головенкой, стараясь обдать надоедливую советчицу тысячами мельчайших водных частиц.

– Подумаешь, нельзя, – пошевелила пальцами ног купальщица, – я здорова, буду жить долго-долго, а потому переживу тебя.

Оптимизм сестры мне понравился, но паровые процедуры после операции вызвали бурю негативных эмоций. Я бурей ворвалась в ванную и силой вытащила упрямицу из благоухающего кипятка. Она в отчаянии набросилась на меня с кулаками, но потом внезапно успокоилась и, накинув махровый халат, холодно процедила сквозь зубы:

– Тебе никогда, слышишь, никогда не понять меня, так как ты всю свою жизнь прожила в городе, а я в глухой деревушке. Там, в разбитом старом домишке, я мечтала о ванне, наполненной теплой водой, о чистом асфальте вместо грязной жижи под ногами, об отпуске на море, о деньгах, которые у тебя были и которых не было у меня. Почему все хорошее досталось тебе, а мне только плохое? Теперь же, когда у меня есть квартира, ванна, город, «бабки», мне нельзя воспользоваться этими благами!

Ледяной, чужой голосок ее постепенно зашелся в рыданиях. И тогда я рывком схватила несчастную сестричку за плечики и почувствовала, что тоже плачу: о ее невезучей жизни, несбывшихся надеждах, о том плохом, что было и должно произойти.

Расстались мы с Жанночкой друзьями. Она пообещала мне беречься, я же, по ее настоятельной просьбе, дала слово меньше контролировать младшую сестру.

В ту ночь он пришел снова, но на этот раз я оказалась дома одна. Сергей уехал в командировку, оставив меня на беспутную кошку. Довольный создавшейся ситуацией, Мадим ворвался в спальню и наклонил гордую голову в смиренном поклоне:

– Я долго ждал этой ночи, Алиса. Сегодня, именно сегодня, я получу бессмертную душу, если ты исполнишь мое заветное желание.

Стоя в длинном атласном халате, я разбирала постель. Странно, но внезапное появление таинственного визитера меня не испугало. Напротив, безразличие ко всему, поселившееся в моем сердце после нелепого, опасного для жизни купания взбалмошной сестрицы, заставило «не такую как все» спокойно перенести его появление.

– Желание? Какое желание? Мы перешли на ты? – устало поинтересовалась я.

– Да, так ближе, – сверкнул мятежными очами дух. – Согласись выйти за меня замуж. Ничего себе! Мне стало дурно.

– Мадим, я замужем, я – старая сорокапятилетняя тетка, – как можно мягче проговорила я. – Оглянись вокруг: на улицах планеты много молодых и красивых девушек. Пообщайся с ними. Возможно, кто-то и возжаждет иметь мужем столь привлекательное привидение.

– Я не привидение, – презрительно процедил сквозь зубы призрак, – я элементар. А сорок пять лет – детский возраст. Мне две тысячи шестьсот пятьдесят четыре года.

– Тебе мало такой большой жизни? – поразилась я.

– Да, я хочу существовать вечно.

– Но я не буду жить вечно на земле, – покачала головой я. – Лет через двадцать-тридцать я перейду в другой мир, абсолютно не ведая, плохой он или хороший.

– Тот мир прекрасен, Алиса, я отправлюсь туда вместе с тобой, – мечтательно произнес Мадим.

– Я состарюсь, – с горечью вымолвила я. – Ты станешь жить с безобразной древней каргой, беззубой, морщинистой, со слезящимися глазами?

– Ты будешь молодой, красивой и здоровой до конца своего обитания на этой мерзкой планете, – вкрадчиво пообещал элементар.

– Каким образом я избежу неминуемой участи божьего одуванчика? – ахнула я. – А мой муж? Что будет с ним?

– Его мы женим на какой-нибудь смазливой девице. Он сам уйдет от тебя. Ты необыкновенная, Алиса. Неужели ты не заметила, что, будучи матерью взрослых детей, больше похожа на двадцатипятилетнюю девушку? – торжественно провозгласил лстец.

– Это было уж слишком! Обливаясь потом, я искала спасительные слова, чтобы опровергнуть данную явную ложь, но не находила их. Я призывала на помощь всех святых, но ангелы покинули меня, оставив один на один с искателем вечной жизни.

– Так чем же я отличаюсь от других, Мадим? – сдавленно прохрипела я.

– Самая прекрасная женщина на Земле родилась в полночь тринадцатого числа, – объявил потусторонний демагог. – Темные силы, мечтая сделать ее своею, дали ей ум и красоту. Господь же, веря в непогрешимость красавицы, вложил в ее тело чистую, светлую душу.

– Так и сосватай ее, привидение! – чувствуя внезапный прилив сил, деловито предложила я.

– Она передо мной! – тяжело опустился на колено призрак. – Тебя не трогают бесы и опекают ангелы, а потому ты бессмертна. Стань моей женой, Алиса.

– Наверное, Сатана сам не прочь забрать такое сокровище себе в заложницы? – морщась от близости настырного фантома, съехидничала я.

– Отнюдь. Свет и тьма заключили между собой соглашение, – осуждающе покачал головой пришелец.

– Неужели добро и зло иногда приходят к общему знаменателю? – радуясь негативной реакции незваного гостя, язвительно пропела я.

– Да, довольно часто, иначе уже давно не было бы Земли и вас, людей, – бесцеремонно рассматривая мои босые ноги, удовлетворенно хмыкнул визитер.

– Прежде чем выходить замуж, надо развестись со старым мужем, а потом зарегистрироваться в ЗАГСе с новым, – решила схитрить я. – У тебя есть паспорт, Мадим? У тебя есть фамилия? А где мы будем жить, драгоценный дух? На графских развалинах или у меня в квартире, которую придется разменивать, ведь она принадлежит и супругу? А как я представлю тебя собственным детям?

Я наигранно улыбалась, и претендент на мою руку заколебался. Он долго думал, испытывая мое терпение, но наконец мозги его пришли в некоторое движение:

– Хорошо, Алиса, я подожду, – покорно проговорил элементар. – Недолго. Только помоги мне с паспортом. Кстати, какая фамилия устроит супругу Страшной Силы?

– Ужаснова, – глупо хихикнула я. – А с документами помочь не смогу и жениться ты можешь на моей сестре Жанне, она прекрасная женщина... мгм... детского возраста, мы с ней сестры, значит, и она не такая как все. Вы будете очень хорошей парой.

Я, несомненно, льстила надоедливому привидению.

– Нет, драгоценная, Жанна скоро преставится, – сумрачно изрек фантом. – Ни добрые, ни злые силы не прощают предательства.

– Кого же предала моя сестра? – невольно ахнула я.

– Какая ты наивная, – вздохнул Страшная Сила и, послав мне долгий прощальный взгляд, в котором сквозило откровенное разочарование провалившейся сделкой, молниеносно растаял в воздухе.

Я, потрясенная щепетильным разговором, не раздеваясь, кулем повалилась в постель. Сон пришел мгновенно, а утром, распахнув глаза, я обнаружила возле своего изголовья сладкую парочку: Маргариту и Карлоса. Болтаясь над кроватью, будто первомайские шары, они терпеливо дожидались моего пробуждения.

– Доброе утро, господа, – уже ничему не удивляясь, ворчливо приветствовала я их. – Как дела?

Кругленькая физиономия старичка-боровичка казалась смущенной, он нерешительно переглядывался с черномазой изменницей и, очевидно, боялся заговорить со мной. Наконец, состряпав забавную гримаску, домовый неуверенно прошелестел:

– Мы хотим помочь тебе отделаться от жуткого Повелителя Стихий.

– И чем же он вам, сударь, не нравится? – я нарочито грозно сдвинула брови. – Привлекательный мужчина и к тому же обалденно могущественный. Разве не вы притащили его ко мне?

– Он вышел на тебя сам, – потупил лживые глазенки Карлос.

Перевернувшись через голову, Марго согласно закивала умильной мордой.

– Хозяева любят примерных квартирантов, а потому я уважаю Сергея, – польстил мне большой воздушный шарик, – и не желаю, чтобы он бросил тебя даже ради смазливой элементалки. Маргарита тоже восхищается вашей до чрезвычайности дружной семейкой!

Кошка, обнажив в плотоядной улыбке – теперь-то я точно поняла, что она умеет улыбаться – белые клыки, промямлила что-то типа: м-мда.

– Как вы хотите помочь мне, господа хозяева? – сладко потягиваясь в мягкой постели, лицемерно промурлыкала я.

– У тебя есть большой любящий друг из светлого мира, Алиса, – самоуверенно заявил домовый.

– Кто он? – наигранно зевнула я и подумала, что похожа на ненормальную. – Как это называется в психиатрии? Кажется, мания. Или психоз? Или шизофрения? Надо бы почитать справочник.

– Хесед – ангел Любви и Сострадания, – не отставал от меня Карлос.

– Когда же он успел втюриться в меня? – удивилась я. – И за какие совершенства я стала возлюбленной небожителя?

– Год назад, – взлетел к потолку старичок-боровичок, – когда ты наперекор всеобщему мнению своими нежными ручками строила столовую для бродячих животных. Он понял, что ты не только красива, но и добра, что, к сожалению, встречается нечасто.

– Это его прикосновения чувствовала я время от времени? – внезапно догадалась я.

– Да.

Спокойно, Алиса, спокойно!

– Почему после появления у нас Марго таинственный гость исчез?

– Маргарита, искренне обожая образцового хозяина, защищала его от твоей измены, – дружески потрепал по загривку маленький воздушный шарик домовый.

– И небожитель покорился обыкновенной кошке? – не поверила я.

– Сострадание к твоему непорочному мужу заставило уйти Хеседа, – вздохнул дух. – Сергей боготворит тебя.

– А при чем тут эта животинка? – вытянув руку, я беспардонно дернула за хвост черную бестию.

– Ангелы живут в гармонии с природой, – нахмурил кустистые брови персонаж из мультфильма.

Все встало на свои места. Поднявшись с постели, я пошла в ванную, а там взглянула на себя в зеркало: на мать взрослых детей смотрела очаровательная двадцатилетняя девушка. Мадим оказался прав.

Удивление мое сменилось восхищением, восхищение – радостью, радость – счастьем. Но недолго длилось это обворожительное состояние: внезапно я вспомнила, что Жанна должна умереть.

Глава 5. Измена

– Мама, ты сделала пластическую операцию? И когда только успела: я не видела тебя всего неделю. К тому же, вчера мы говорили с тобой по телефону, – тараторила Алинка, вваливаясь в свой отчий дом.

– У меня есть хороший знакомый, который шлепает такие операции очень быстро, – моментально отреагировала я на каверзный вопрос дочери.

Ни за что не буду вмешивать в личные неприятности обожаемую наследницу!

– Какая ты стала красивая, мамочка, а какая молодая, мне в подружки годишься, – обхаживая меня по кругу, приговаривала Алиночка, – ну подскажи адрес этого чудесного доктора: посоветую Катюше немного освежиться.

Катюшей она звала непривычно юную свекровь.

– К сожалению, он ...испарился... мгм... улетел, не знаю куда. Но если скоро появится, я обязательно сообщу тебе, – самозабвенно врала я, отлично понимая, что врать грешно.

Устав от комплиментов, прелестная жена моего зятя, мило потупив глазки, сообщила очередную головокружительную новость: она ждет ребенка.

Скоро сногшибательными вестями завалит меня по самую макушку!

– А как же защита диплома? – спросила я, фальшиво улыбаясь во весь рот.

– Роды в январе, до защиты ребенок подрастет, да и разве ты не поможешь мне? – неосмотрительно плюхнулась на диван Алина. – Мама Артурика сутками на работе.

Надо бы отучить ее от этой дурной привычки! Диван – не батут, может и развалиться, да и малышке акробатические упражнения будущей мамы могут повредить.

– Конечно, родная, конечно помогу, – перспектива стать бабушкой в двадцать лет меня позабавила, но я искренне порадовалась за нас всех.

Давно хотела внучку, чтобы петь ей колыбельные, рассказывать сказки, завязывать на родной головке огромные банты. Надо бы позвонить на мобильник Сергею, да ладно! Пусть дочь сама ему сообщит о том, что скоро великолепный господин Смирнов станет дедом.

Будто сговорившись с сестрицей, навестить меня решил и Олег.

– Знаешь, мама, такая история: у нас будет сын, – поцеловав меня в щеку, сообщил он.

– Когда? – не зная, как реагировать на признание первенца, пролепетала я.

– Ты не рада? – удивился мой большой мальчик. – А я думал....

– Конечно, рада. Поздравляю тебя, – отлично понимая, что воспитание обоих младенцев ляжет на мои плечи, лицемерно засмеялась я.

– Надеюсь, ты поможешь нам? Теща с утра до вечера на работе.

Наш взрослый ребенок переминался с ноги на ногу.

– Конечно, я помогу вам, – представляя себя, бегающей от одной колыбели к другой, невольно вздохнула я.

Но это были мои внуки, дети моих детей.

– Да, мам, у тебя отличный крем, ты здорово выглядишь, почти как моя жена, – повеселел Олег. – Ну, пока. Передавай привет папе. До встречи!

Успешный продолжатель рода Смирновых торопливо чмокнул меня в нос и улетучился, напомнив мне своим мгновенным исчезновением незадачливого соискателя руки его злополучной матушки.

И что бы сказал Мадим, узнав, что хочет в жены бабушку, обремененную двумя вопящими свертками?

А потом позвонила Жанночка.

– Алиска, – надрывно орала она в трубку, – я взяла путевку в Сочи, присмотри тут за моими!

– С ума сошла, тебе нельзя, ты еще не выздоровела, – отчаянно взмолилась я.

– Нарушаешь договор? – огрызнулась рассерженная сестричка. – Обещала же.

– При твоём заболевании, дорогая, греться на солнце противопоказано, – вспоминая предсказание духа, я чуть не плакала.

– А ну тебя, – разозлившись, Жанка бросила трубку.

Стало непривычно тихо. Опустошенная, я подошла к окну: на подоконнике сидела Марго и читала книгу. Да, я не оговорила. Кошка, увлеченно уткнувшись мордой в справочник по педиатрии, перелистывала его страницы длинными кривыми когтями.

Прошли две недели, Мадим не появлялся. Жанка звонила с моря, счастливая и довольная. Серега искренне восхищался моей приобретенной молодостью. Марго умело притворялась обыкновенной черномазой кошкой, а Карлос пропал. Я наслаждалась маленькой передышкой, которую мне даровало небо. Знакомые и соседи с любопытством присматривались ко мне, интересовались пластической операцией, но особых ахов и охов от них не слышала, что чрезвычайно удивляло. На улице подходили знакомиться зеленые юнцы, годящиеся мне в сыновья.

Передышка длилась недолго. Однажды Сергей пришел с работы необыкновенно мрачный и угнетенный.

– В чем дело, милый? – обеспокоено спросила я.

– Знаешь, Алиска, я никогда тебя не обманывал и теперь не хочу, – решительно произнес единственный и неповторимый. – Ты очень красива и еще будешь счастлива. Я же, – Сергей замялся, – встретил другую женщину, которую полюбил с первого взгляда, а потому оставляю тебе квартиру и ухожу к ней.

– За что? – мелькнуло в моей многострадальной голове, и последнее, что увидели мои потрясенные глаза, был встревоженный взгляд бывшего уже мужа.

Наверное, прошло много времени, как я потеряла сознание. За окнами настороженно темнела ночь, тикал назойливый будильник, на кухне капала вода. Не понимая, где я и что со мной, я тупо смотрела в белеющий потолок. Около кровати сидела Маргарита, за ней в воздухе висел Карлос.

– Не плачь, – попросил меня домовый, – он вернется.

– Он не вернется, – глухо сказала я, – он ушел навсегда. Зачем он бросил меня?

– М... магия, – изрекла мудрая кошка, – м... магия и м... волшебство.

– Он полюбил другую, – игнорируя словеса неразумного животного, всхлипнула я. – Как же теперь я буду жить без него, что я скажу детям?

– Они все поймут, – тихо отозвался Карлос, – они поддержат тебя.

– У меня нет работы, денег, – пожаловалась я призраку.

– Ты не испытываешь нужды, – ответил мой новоявленный друг, – не будь я домовый.

Спустившись вниз, он обнял меня и ласково погладил по голове. Рывком прижавшись к доброму привидению, я почувствовала себя защищенным ребенком, у которого все будет хорошо. И мне стало совершенно безразлично, что пухлая грудь нежданного защитника напоминает густое-густое облако, и висок мой проваливается в эту вязкую густоту. Я ощутила понимание, опору и, наконец, успокоение.

А утром меня разбудил телефонный звонок. Приехала с югов Жанка.

– Привет, Алиска! – радостно орала она в трубку. – Чо редко приходила к моим? Между прочим, они – твои племянницы.

– Между прочим, у меня есть и свои дети, а к твоим я ходила каждый день, – устало пробормотала я.

– Но ты бывала у них совсем понемногу, – раздраженно настаивала сестричка.

– Как отдохнула? – я перевела разговор на более приятный предмет.

– Прекрасно. Приходи, поболтаем, – стремительно отсоединилась отпускница.

Карлоса нигде не было, а мне так хотелось поговорить с призрачным утешителем, увидеть его славную толстенькую фигурку с умными, все понимающими глазами. Марго исчезла тоже. Оглядев опустевшую квартиру, я заплакала. В шифоньере отсутствовала одежда Сергея, в прихожке – его обувь, в ванной – зубная щетка и бритвенный прибор. Как мог он, бросив меня в бессознательном состоянии, спокойно собирать свои вещи?

Снова зазвонил телефон.

– Куда ты пропала? Я жду тебя уже битый час! – словно сорока, заверещала Жанка.

Сестре нужны были уши, а потому, вздохнув, я нехотя стала натягивать на себя что-то из того, что носят на теле брошенные женщины.

Через пятнадцать минут меня радостно тискали две загорелые руки.

– Ты стала ягодкой, сестричка, – поцеловала меня в щеку Жанночка, – пойдем пить кофе и пообщаемся.

Мы прошествовали на кухню и уселись за маленький, уютный столик. Племянниц и их отпрысков дома не оказалось, так что мы смогли вволю наговориться.

Глава 6. Брошенная жена

Деньги у Жанны были, хранила она их на обучение Аллочки, хранила, да после страшного диагноза, поставленного ей недавно, решила хоть напоследок насладиться радостями бытия. Кто знает, сколько жить осталось! А тут еще горящая путевка подвернулась – ну как не воспользоваться появившейся возможностью? Собрала свои вещички да рванула на юг. Еще в поезде познакомилась с Юрой, серьезным, седым, но не старым мужчиной, ехали в одном купе. Разговорились. Оказалось, он свободен, жена Зина умерла год назад. Детей у них не было, а потому остался Юра один на всем белом свете. Год маялся, оплакивал свою благоверную, а потом решил сгонять на Кавказ, осточертели квартира, сад и машина, так как они напоминали ему ненаглядную Зинулю. Так и проговорили Юра и Жанна всю дорогу до Сочей, а там и в одном пансионате поселились.

Все было бы хорошо, да однажды, когда Юрочка плескался в море, подсел на пляже к Жанночке черноволосый красавец, назвался Максимом. Пригласил сказочный принц золушку на бал. Не смогла она отказаться. Извинилась перед Юрой, да и упорхнула с Максимом в ресторан. В таком шикарном заведении сестренка оказалась впервые: услужливые официанты, прекрасно сервированный стол, респектабельные господа и дамы. Единственное, что смущало Жанночку: она не знала, как пользоваться многочисленными столовыми приборами, но подсмотрев, как ест спутник, удачно отужинала. Они танцевали, партнер томно смотрел в ее глаза и целовал руки.

На другой день сказочный принц явился снова. Они пошли на побережье, а Юра издали наблюдал за сладкой парочкой. Вечером Максим вновь пригласил Жанну в ресторан, только теперь она вела себя более уверенно.

Так продолжалось восемь дней подряд. Жанна уже мечтала о страстной любви, хотя ничего, кроме поцелуев ручек, у них не было, да в один совсем не прекрасный день Макс пришел к ней проститься: его срочно вызвали на работу. Пообещав приехать, он взял ее адрес да снова чмокнул Жанночкину вспотевшую от извести дрожащую ладошку. Так ничего и не рассказал о себе красавец-мужчина. После его отъезда к скучающей сестричке подошел Юра. Они возобновили походы на пляж и вечерние прогулки по набережной, но очарование отдыха исчезло, осталась только надежда, что Макс однажды позвонит в ее дверь, а затем навсегда останется с нею. Юра тоже попросил номер телефона, да зачем ей Юра, если она любит Максима.

История была довольно банальной, такой же, как и вся наша жизнь. Не выдержав, я поведала сестре про измену Сергея, и Жанна удивленно вскинула на меня свои рыжие глаза. Возможно, мне показалось, да, дай Бог, чтобы мне это только показалось: в ее взгляде я прочитала торжество.

Дом встретил меня холодом одиночества. Я бесцельно походила из угла в угол, взяла томик Есенина, полистала его зачитанные странички, но сосредоточиться на чтении не смогла. В дверь спальни поскреблись. Зашла заспанная Марго, потерлась о мою ногу и замурлыкала.

– Где Карлос? – вспоминая, что хвостатая неплохо знает русский язык, строго спросила я у подлизы.

– Он ищет Хесед, – промяукала пушистая доносчица.

– Зачем? – поразила я

– Надо, – таинственно мурлыкнула кошка. – Хесед скоро придет к тебе.

«Придет, так придет», – подумала я и позвонила дочке.

Алиночка об уходе отца из дома уже знала, Олег – тоже. Оба осуждали Сергея за измену и беспокоились за меня.

А вечером ребята приехали в родные пенаты. Были слезы, были возмущения, но потом все сошлось на том, что папу винить все же не стоит, а маму они не бросят.

Ночью явился Карлос, он устало опустился на старый диван, обнял мои понурые плечи и медленно проговорил:

– К сожалению, не нашел ангела, Алиса, но помогу тебе: ты не будешь голодать.

Я уткнулась в мягкую, вязкую бородашку друга и тихо заплакала.

На следующее утро стало ясно, что нужно искать работу, так как денег бывший муженек оставил совсем немного. А надо было заплатить за квартиру и телефон, дать небольшую сумму дочери, жене неработающего студента. Артуру помогала мать, но «бабок» ребятам постоянно не хватало, хотя экономили они изо всех сил. Надеялись дети на поддержку Сергея, но влюбленный папочка заявил, что его молодая жена запрещает разбрасываться капиталами.

Вчера зять объявил, что будет подрабатывать курьером в приличной компании, но когда квартплата и оплата телефона составляют половину честного заработка, а машина и автомобильная стоянка еще почти столько же, то приходится попросту потуже затягивать ремни и ставить зубы на полку. Зубы у дочки и ее мужа были не съемные, ремни они не носили, а потому материальная родительская поддержка была им элементарно необходима.

Среднее медицинское образование, которое я получила по великой глупости, не могло прокормить даже одного вечно постящегося человека женского пола. Перерыв кучу бесплатных рекламных газет, я уразумела, что вакансии для дам бальзаковского возраста имеются на мизерные ставки или в сетевом маркетинге. Жанночка попробовала однажды этот маркетинг, только не смогла заработать в нем не только на масло, но и на маленькую горбушку черного хлеба. Объявления местных сутенеров о наборе девушек без комплексов для досуга меня, как всегда, не заинтересовали, хотя там «работали» женщины всевозможных лет. И тогда я поняла, что просто-напросто не нужна родимому государству, как сотни тысяч таких же горемык: тех, кому за сорок.

Отбросив в сторону макулатуру, я обреченно побрела на кухню стряпать вареники с картошкой. Не для себя. Мне есть не хотелось. Должны были заехать мои студенты, как всегда голодные и озабоченные, чем бы набить молодые желудки. Замесив крутое тесто и сделав картофельное пюре, я присела на табуретку лепить экономные пельмени.

Внезапно что-то легкое прошмыгнуло мимо меня и примостилось у другого конца стола. Это был домовой.

– Ты когда-нибудь ел пельмешки, Карлос? – машинально спросила я.

– Нет, Алиса, я не питаюсь всякой гадостью, – фыркнул большой воздушный шарик. – У элементаров нет физических оболочек, которые нужно кормить.

– А разве не хочется отведать что-нибудь вкусненькое? – невольно улынулась я.

– Может, и хочется, – сладко зевнул дух, – но плоть – жуткая обуза.

– А я люблю свое тело, – думая о Сергее, призналась я.

– Еще бы, – молниеносно хватая со стола кружок теста и рассматривая его на свет, воскликнул собеседник, – у тебя же больше ничего нет кроме этой ужасной оболочки, которая уязвима для любой неприятности.

– А у тебя нет даже фамилии! – в отместку съязвила я.

– Почему – нет? – удивился Карлос. – Очень даже есть! Прошу любить и жаловать – Жемчужный.

– Почему – Жемчужный? – изумилась я.

– Камушки есть очень красивые, их в море добывают, жемчуг называется. В честь них я и придумал себе фамилию, – удрученно поскреб в затылке старичок-боровичок.

– А паспорт у тебя тоже есть? – съехидничала я.

– Паспорта нет, – тяжело вздохнул домовой, – паспортов нам не дают.

– Вот то-то, – обрадовалась я, – без бумажки ты букашка, а с бумажкой – человек!

– Зато тебе, моя дорогая, теперь без помощи Сергея надобно думать, как насытить свое ненаглядное тело, да и тела твоих студентиков. Нужно находить время и силы, чтобы обслуживать эти вечно голодные куски мяса и скопления костей. Их необходимо одеть, обуть, накормить, помыть. Все, что соприкасается с вашими физическими оболочками, тоже приходится приводить в порядок. Где уж вам подумать о душе! Но тебе крупно повезло, Алиса, что у тебя есть Карлос.

– Благодарю покорно, – рассмеялась я.

Когда вареники ровными рядками лежали на деревянной доске, я вспомнила, что закончилось сливочное масло. Схватив полиэтиленовый пакет, я побежала на местный рынок, где по авторитетному мнению соседей продукты были немного дешевле, чем в магазине.

На дворе стояла августовская теплынь две тысячи третьего года: лето выдалось жаркое и долгое. Торговка съестным скучала. Я стыдливо подошла к прилавку: покупать товары на базаре приходилось впервые, так как статус жены руководителя не позволял мне раньше прогуливаться по рядам с высокомерными, неулыбчивыми продавцами, по старинке считающими себя привилегированным классом. Но, чтобы не околеть с голоду, оставленная влюбленным мужем безработная женщина должна экономить на всем.

– Сколько стоит пачка масла? – робко спросила я у толстой бабы с носом цвета недозрелой сливы.

– Чо, ценник не видишь? – окинув надменным взглядом мое обожаемое физическое тело, огрызнулась притомившаяся продавщица.

– А масло свежее? – нежно проворковала я, заискивающе улыбаясь заносчивому манекену, вероятно, смастеренному руками пьяного подмастерья. А может, и не руками, а еще кое-чем.

– Не знаю, не пробовала, – буркнула недовольная моей назойливостью торговка.

Оглянувшись на базарных теток, занятых изыманием денежных средств у тех, кого называют малоимущими, путем обсчитывания и обвешивания, я ощутила, что во мне закипает праведный гнев, а во гневе мягкая овечка Алиса становится похожа на разъяренную пантеру.

Чтобы не взорваться подобно Везувия и как можно быстрее покинуть сие заведение, где бедные думают, что экономят, пришлось лезть за кошельком. Но только я сунула руку в сумку, как обнаружила в ней холодный брикет чего-то твердого. Недоуменно выудив неизвестный предмет на свет божий, я поняла, что держу в ладонке пачку вожделенного масла. Надменная коммерсантка тоже узрела продукт питания в моих руках и обратила тяжелый взор на прилавок: там этого товара не было.

– Воровка! Стерва! Милиция! – завизжал оживший манекен, разбрызгивая слюну в радиусе двух метров.

– Да что б ты подавилась, – от всей души пожелала я скандалистке.

И вдруг у «воровки, стервы, милиции» стало происходить что-то, не поддающееся никакому объяснению. Торговка схватилась за горло, из очей ее полились слезы: в намаленном живописной помадой ротике, который только что выплевывал немудреные комплименты привязчивой покупательнице, торчала пачка злополучного сливочного масла.

Домой я вернулась в слезах. Открыв дверь, незадачливая добытчица остолбенела: господин Жемчужный сидел на кухне и с волчьим аппетитом поедал пельмени, которые, запрыгнув на пластиковый подоконник, помешивала в большой эмалированной кастрюле Марго, нацепив на себя неизвестно откуда взявшийся цветастый ситцевый фартук.

– В чем дело? Ты материализовался? – представляя голодные глаза студентов, заорала я.

– Да, решил попробовать плотскую пищу, – важно изрек мой нежный друг. – Кстати, очень вкусно. А где маслице?

– Во рту у дикой тигрицы, – тщетно пытаюсь сообразить, чем заполнить желудки своих отпрысков, прорычала я.

– О еде не беспокойся, Алиса, я заказал в супермаркете парочку курочек-гриль. Отрокам этого хватит? – милостиво произнес мой спаситель.

– Спасибо огромное, – вздохнула с облегчением я, – но кто принесет этих кур в дом?

– Как – кто? – жестом фокусника раскрыл появившиеся из воздуха фирменные пакеты Жемчужный. – А я на что?

– Признайся, дорогой, – наслаждаясь видом внезапно появившейся халявы, уже миролюбивее произнесла я, – это ты подложил мне в сумку злополучное масло?

– Конечно, – удовлетворенно потер ладошки старый шутник. – Теперь ты ни в чем не будешь знать отказа. Корми свое любимое тело, сколь хочешь.

– Но воровать – грех, – осуждающе покачала головой я.

– Кто бы говорил! – неожиданно нахмурился благодетель. – А разве тебя не обворовало государство?

– То – государство, а то – отдельные люди, – попыталась протестовать я.

– Государство и есть отдельные люди, – поедая последний вареник, невнятно пробурчал Карлос. – Как же вкусно ты стряпаешь, детка!

Глава 7. Макс

Целую неделю домовый наслаждался поглощением недешевых продуктов из дорогого супермаркета, которые крал с особенным удовольствием. Почувяв, что мамины ужины вкусны и удивительно в ее затруднительном материальном положении обильны, Алина и Артур стали навещать в родительский дом чаще, чем раньше, оправдывая свое поведение тем, что не хотят оставлять меня в одиночестве. Во время их визитов Карлос не обнаруживал своего присутствия. Я, мучаясь раскаянием, что поступаю дурно, принимала еду от воришки, отлично понимая, что иначе просто умру с голода. Впрочем, аморальное поведение Алисы Смирновой меня интересовало мало, но ее дети не должны чувствовать мук недоедания.

Однажды, объевшись очередной покупной пиццей, Жемчужный схватился за живот. Напрасно Марго ложилась на него мягким теплым тельцем, напрасно делала точечный массаж острыми коготками: ничего не помогало. Помаявшись от газов и отрыжки, Карлос принял решение «кончать» со своим физическим состоянием. И тогда добыча продуктов питания вновь обрушилась на мои плечи.

Уложив целлофановый пакет в дамскую сумочку, я нехотя выползла на растерзание торговкам.

Говорят, что страх перед окружающими тебя людьми называется синдромом побитой собаки. Чем больше боишься хамства, тем больше притягиваешь к себе негативные человеческие эмоции. Но, имея за душой медные гроши, теряешься от жалости к своей несчастной персоне. А жалость унижает.

Супермаркет находился через дорогу. В моем кошельке сиротливо лежала сумма на целую булку хлеба плюс полный пакет молока. Смело вступив на проезжую часть, я не заметила притормозившей легковушки. В иномарках бывшая супруга директора предприятия не разбиралась, относилась к ним с равнодушием, а потому особого почтения к их владельцам не испытывала.

– Девушка, – донеслось из престижного, наверное, автомобиля, – подождите, вы уронили кошелек!

Я знала, что драгоценное мое состояние запрятано глубоко на дне сумочки, но все же остановилась и решила проверить наличие денег. Мужик припарковался и знаменитой походкой Путина, от которой без ума почти все женщины России, подошел ко мне с явным желанием продолжить начатый им монолог.

– Портмоне был на месте, и я не без интереса взглянула в лицо чересчур общительного незнакомца. Высокий черноволосый красавец улыбался ослепительной, нереальной улыбкой киношного героя-любownika.

– У вас галлюцинация? – пряча раздражение от неуместного розыгрыша, вежливо спросила я этого героя-любownika.

– Простите за глупую шутку, сударыня, – виновато пробормотал супермен. – Давно наблюдаю за вами и горю желанием познакомиться ближе.

– Как это – ближе? – холодно осведомилась я. – И почему?

– Потому что знаю о вас достаточно много, – торжествуя сверкнул коровьими очами новый русский.

Кажется, где-то я его видела. Но где?

– И что вы обо мне знаете? – насторожилась я.

– У вас двое детей, живут они в своих квартирах, и сейчас Алиса Смирнова осталась одна, так как ее глупый супруг ушел к другой женщине, – бодренько отчеканил красавчик.

– Почему вы считаете его глупым? – печально улынулась я. – Возможно, этот поступок – самый правильный в его жизни?

– Оставить такую девушку? – театрально поднял густые брови незнакомец.

– С лица воду не пить, – вздохнула я. – Видимо, есть что-то важнее хорошенького личика.

– Куда вы идете, Алиса? – прищурился занудный водитель иномарки.

– В магазин, – горько усмехнулась я. – Откуда вам известно мое имя?

– А давайте махнем в ресторанчик, который так уютно расположился вон в том скверике, – ловко ушел от ответа таинственный незнакомец. – Кстати, я не представился: Максим Анатольевич Ветров, коммерсант, владелец неплохой, довольно-таки рентабельной фирмочки.

– Очень приятно, – натянуто улынулась я, – только мне страшно некогда, а потому разрешите откланяться.

Развернувшись на высоченных каблучках, я бросилась в противоположную сторону – на ненавистный рынок. Уже знакомая мне торговка с замашками совковой королевы прилавка презрительно «одаривала» заискивающих бедняков пакетами и банками. Узрев мое любимое физическое тело, она нелепо заморгала оголенными веками и ниточкой растянула тонкие губы перед толпившимися около нее почтительными пенсионерами.

Людам, окончившим свой земной путь в конце восьмидесятых – начале девяностых годов, когда на полках магазинов сиротливо стояли уксус да консервы из морской капусты, любопытно бы стало взглянуть на сегодняшнее изобилие товаров – были бы деньги! Только вот денег у соотечественников моих, к сожалению, кот наплакал. А интересно: лежали бы на прилавках продукты, если б у каждого покупателя был полный кошелек?

Дома меня ждала голодная Марго. Жадно обнюхав принесенный пакет, кошка сладко улынулась. К ухмылкам черной бестии я уже привыкла, но на этот раз обрадовать сладко-ежку было нечем. К большому же своему удивлению, разгружая этот пакет, я обнаружила в нем, кроме молока и хлеба, корейку, сосиски, докторскую колбаску, сыр, курицу и килограмм яблок «голдон», которые обожала. Оставалось поражаться, что негласный курьер господина Жемчужного не заметил тяжести объемной ноши. Впрочем, чему удивляться: предприимчивый домовый великолепно освоился в существующем олигархическо-коррупцированном обществе. А потому, памятуя, что со своим уставом в чужой монастырь не ходят, он с радостью слился с любителями пожить за счет народа. Ладно бы, грешил сам, но старый воришка постоянно норовил впутать меня в свои темные делишки, за которые бедная, оставленная мужем женщина обязательно ответит на том свете.

Разложив трофеи в холодильнике, я, ругая свою беспринципность, принялась готовить пищу к приходу дочери и зятя. Но тут позвонила Жанка.

– Вечером жду тебя к себе, – радостно протараторила она, – познакомлю с тем, кого люблю, люблю, люблю.

Тяжко вздохнув, я поняла, что тихий уютный ужин с детьми не состоится: сестра умела добиваться своего, спорить с ней было бесполезно.

К семи часам вечера я была у Жанны. Алина имела свой ключ от моей квартиры, а потому любящая мамаша была спокойна: поужинать ребята могли и без нее, было бы чем.

Сестричка встретила меня радостным воплем.

– Макс приехал! – заорала она, плюхаясь мне на грудь.

– Отлично, – оседая в теткин кресло, улынулась я, – все хорошо, что хорошо кончается.

– Только он придет не один, а с другом, – вопросительно посмотрела на меня сестра.

– Здравсьте, пожалуйста! Мне только этого и не хватало, – несколько раз выдохнув, я быстро справилась с негативной эмоцией. – А ладно, пусть будет по-твоему.

– Прекрасно, – просияла Жанночка и убежала на кухню, – отдыхай.

Семейство моей ненаглядной находилось на даче, дома был только глупый серый котенок, которого Аллочка притащила с рынка дня три назад. Затаив дыхание, он внимательно рассматривал незнакомые ноги. Потом, внезапно обнаружив хвост, безвольной тряпкой повисший сзади, возмутился и решил отделаться от ненужной вещи. Но хвост оказался хитрее котенка. Он ловко уворачивался от быстрых кошачьих лапок и никак не хотел покидать насиженное место. Котенок крутился волчком, азартно отдирая назойливого прилипалу от своего маленького тельца, как резкий звонок прервал его бесполезные занятия. К двери процокали каблучки, раздались звуки приветствий, и, наконец, в гостиную вошла Жанночка с двумя кавалерами. Один из них был мне знаком – то был водитель иномарки, черноволосый красавец Максим Анатольевич Ветров. Другой, светловолосый и синеглазый, представился Юрием Ивановичем Самойловым. Жанна была растеряна, но, взяв себя в руки, поставила принесенные цветы в вазу и позвала меня помогать накрывать на стол.

– Зачем он притащил Самойлова? – раздраженно прошипела она на кухне. – Ведь прекрасно знает, что Юрка влюблен в меня!

Я промолчала, потому что не понимала ничего.

В гостиной звучала музыка, два симпатичных мужика о чем-то оживленно болтали. Мы неловко подсели к ним и замерли. Ветров умело открыл шампанское, провозгласил первый тост, мы подняли хрустальные теткины фужеры и выпили. А потом пошли банальные разговоры, пересыпанные комплиментами моей ненаглядной сестрице.

Максим словно не замечал меня, от этого его невнимания я успокоилась, расслабилась, а затем, вспомнив о том, что кто-то здесь лишний, а я догадывалась кто, засобиравшись домой. Чувствуя всеобщее равнодушие к своей скромной особе, я мило попрощалась с честной компанией и выбежала на безлюдный двор.

Мертвая тишина и ослепляющая темнота встретили меня на пустынной улице. Где-то наверху несколько раз ухнул филин и прокаркал свою похоронную песню ворон.

– Как на кладбище, – поеживаясь от страха, недоуменно прошептала я. – Где люди, куда делась луна и почему не светят фонари?

Постояв некоторое время, чтобы дать глазам привыкнуть к мраку, я осторожно спустилась с крыльца и чуть не наткнулась на неожиданное препятствие в виде одинокой машины, притулившейся возле Жанкиного подъезда. Поравнявшись с ней, я заметила, что двери легковушки бесшумно распахнулись. Две пары рук со страшной силой втащили меня в салон, связали руки, заткнули рот. Запахло чем-то давно забытым, и я, задыхаясь от негодования, погрузилась в небытие.

Глава 8. Плен

Очнулась я в огромной, потрясающе красивой комнате. Восьмиугольный зал с высокими полуовальными окнами, стены и потолок которого искусно облицованы зеркалами, соединенными между собой золотым багетом, отражали кровать, поставленную в центре грандиозного помещения. Она была небесно-голубого цвета и удачно гармонировала с изящным спальным гарнитуром в романтическом стиле Людовика Четырнадцатого. Над пышным ложем возвышался балдахин с ниспадающей серебристой тканью, прозрачной, как тончайшее стекло, опирающийся на мощные витые колонны, а около него примостилась кушетка с серебряными ножками, накрытая ослепительно белым атласом. В углу пристроился вместительный аквариум с многочисленными золотыми рыбками и увлажняющий воздух маленький фонтанчик в виде прекрасного сказочного цветка. На полу лежали пушистые лазурные ковры. В глубине алькова висело зеркало с изображенными по его краям павлинами и лебедями. Окинув недоуменным взглядом всю эту роскошь, я с тоской вспомнила о детях, Марго и Карлосе.

Долго возлежать в одиночестве не пришлось. Прозвенел мастерски вделанный в стену колокольчик из позолоченного серебра, распахнулась массивная дверь, и в комнату вошел важный молодой человек в красной лакейской ливрее. В руках он держал поднос с завтраком: дымящимся кофе и свежими булочками с маслом.

– Где я и кто меня похитил? – дрожащим голосом пролепетала я. – Позовите сейчас же заказчика преступления!

– Его нет дома, – склоняя надменную напояженную голову, равнодушно ответил слуга.

– Тогда передайте своему господину, что выкупа не будет, потому что денег у моих родных нет, – с удовольствием съехидничала я.

– Хорошо, мадам, – заучено улыбнулся лакей и грациозно поставил аппетитный поднос на серебряную кушетку.

Исчез он мгновенно, будто его и не было. Я встала с постели и с затаенной надеждой подошла к окнам, но на них висели узорчатые решетки, а за решетками расстилалось зеркальное озеро. Проверив на прочность дверь, я поняла, что путь к отступлению отрезан. Да и куда убежишь в длинной, полупрозрачной батистовой ночной рубашке! Тяжко вздохнув, я снова улеглась под одеяло и стала размышлять о своем незавидном положении. Возможно, меня выкрали, чтобы препроводить в Турцию и обратить в рабство! Сейчас накачают наркотиками и...

В обед слуга появился снова. Вкатив драгоценный столик, заваленный различной снедью, он молча поставил его подле меня и так же молча исчез. Несмотря на драматизм ситуации, отсутствием аппетита я не страдала, а потому, съев почти все, чем меня одарил омерзительный похититель, крепко уснула.

Проснувшись под вечер, я с ужасом заметила возле дивного фонтанчика темную мужскую фигуру. Таинственный человек, ощутив пробуждение жертвы, резко повернулся к ней, и я не смогла подавить крика: передо мной стоял Максим Анатольевич Ветров.

– Почему вы выкрали меня? – еле сдерживая слезы, закричала я.

– Иногда любовь толкает на преступления, Алиса, – распрямил широкие плечи злоумышленник. – Зная ваш несговорчивый характер, я вынужден был пойти на это, чтобы вы, поняв и приняв мои чувства, хотя бы привыкли ко мне.

– Насильно мил не будешь, – задохнулась от гнева я.

– Стерпится – слюбится, – печально промолвил негодяй.

– Так почему же тогда вы волочили за моей бедной сестренкой? – с горечью вспоминая счастливые глаза Жанки, прорыдала я.

– Чтобы быть ближе к вам.

– Подлец, ах, какой же вы подлец, – прошептала я, пораженная его вероломством. – Пока лжец играл роль героя-любownika, несчастная женщина успела его полюбить.

– К этому принудили меня вы, Алиса, – дернулся от моих слов похититель.

– Врете, – процедила сквозь зубы я. – На юге, в Сочи, ухаживая за Жанной, господин Ветров еще не знал о моем существовании!

– Знал, – прищурил беспросветные глаза врун, – и вы успели отказать мне.

– Когда? – поразила я.

– Тогда, ночью, когда посмеялись надо мной, предложив жениться на завистливой дурнушке.

Запрокинув тяжелую голову, обремененную густой гривой, жулик хрипло расхохотался. Кровавые блики от молниеносно вспыхнувших факелов бешено заметались по стенам моей тюрьмы.

– Вы тот самый злой дух, обладающий ужасной силой разрушения? – внезапно догадалась я.

О боги, боги, за что наказали меня?

– Тот самый, – согласился со мной мерзавец.

– Так это вы убрали более слабого конкурента? – запоздало сообразила я.

Страшная Сила безмолвствовал и отрешенно перебирал в руках искрящиеся четки, которые выудил из глубокого кармана темной бесформенной одежды.

– У меня теперь есть паспорт, Алиса, мы можем пожениться, – нерешительно проговорил он. – Разве Ветров не красивая фамилия?

– Мы еще не разошлись с мужем, – схитрила я, – а это, знаете ли, длинная история.

– Вы развелись с ним, в вашей грамоте стоит штамп о разводе, – протянул мне мой собственный паспорт вор.

Раскрыв его на нужной странице, я ахнула. Сергей уже не был моим супругом.

– Где вы взяли документы? – заранее зная, что для него это пара пустяков, обреченно спросила я.

Он глухо засмеялся и тяжело вздохнул. И вздох его напомнил мне стон раненого животного.

Итак, спокойно, Алиса, спокойно! Начнем рассуждать хладнокровно, ведь ты всегда умела брать себя в руки. Что мы имеем? Ветров богат, обольстителен, любезен. Почему же ты не хочешь принять его предложение? Ему нужна бессмертная душа? Разве можно кого-то судить за это? Он – элементал, но надо помнить, что человек разумный также состоит из элементалов, которые составляют самую грубую его часть: углерода, фосфора, железа, кальция и так далее. Кажется, я об этом где-то читала.

– Следовательно, элементалы не стоят ниже человека, так как непосредственно участвуют в его эволюции, – считывая мои мысли, отозвался Мадим. – Стихии производят то, что ложно приписывается деятельности Природы. Их можно назвать существами, но они не происходят от Адама и Евы. Они реальны, одарены жизнью, формой, волей и инстинктом. Что вы скажете на это, Алиса?

– Не потому ли там, где кипят страсти и льется кровь, землетрясения, наводнения и ураганы – не такая уж редкость? – поддаваясь очарованию всеильного собеседника, с грустью молвила я.

– Да, вы правы, – недобро усмехнулся Повелитель Стихий. – Черная энергетика черных людей чрезвычайно привлекает моих соплеменников.

– В последнее время страшные болезни и террор заставляют содрогаться беспомощное человечество, – словно загипнотизированная, тихо произнесла я. – Виноваты ли в этом элементарлы?

И куда меня понесло! А вдруг похититель рассердится? Уж тогда-то мне точно не видать родного дома!

– «Беспомощные» люди несут в себе заряд огромной негативной энергии, – вскинул высокомерную голову бессердечный дух. – Зло порождает зло.

– В таком случае, именно темные силы склоняют доверчивых гомо сапиенсов к дурным поступкам! – не согласилась с демагогом я.

– Темные силы здесь отдыхают, – мерзко ухмыльнулся потусторонний оратор. – Зачем работать, если тяжелую, совсем не творческую работу выполняют за тебя другие?

Привидение надо мной смеется? Впрочем, а куда смотрит Господь?

– Ему очень тяжело, Алиса, – прищелкнул языком призрак, – но Он держит свое слово. Человечество само должно решить, какой дорогой ему идти дальше: войны или мира, зла или добра.

– Как Всевышний относится к тому, что на земле множество религий? – поежившись от полученной информации, удрученно пробормотала я.

– Спокойно, – криво усмехнулся злодей. – Все Его дети равны и каждому из них Он дал свои важнейшие заповеди, главная из которых – не убий!

– Но именно различия в вероисповедании толкают людей на страшные войны! – с горечью воскликнула я.

– Прежде всего, дорогая, к преступлениям призывают преступники, которыми руководят жадность и властолюбие, – повел плечами могущественный убийца. – Глупое же человеческое стадо бредет, погоняемое великими грешниками, на смерть, чтобы потом воскреснуть в Аду. Убивший хоть раз никогда не будет помилован Создателем.

– А когда человек убивает, защищая родную землю, мать, детей? – неуверенно проговорила я.

– Это трудный вопрос пусть даже и для непростого элементарла, – нервно облизал губы не в меру речистый дух. – Задайте его кому-нибудь из ангелов.

– Боюсь, мне никогда не узнать на него ответа, – подавленно прошептала я, – но вы – тоже грешник, Мадим, вы похитили меня.

– У элементарлов нет бессмертной души, а я элементарл, – ликуяще вскинул указательный, обремененный сверкающим перстнем, палец призрак. – Нас не пугают муки Ада потому, что мы умираем навечно. Тем не менее, мои сородичи, по сравнению с вашими братьями и сестрами, грешат гораздо меньше. Да, для нас человек – враг, потому что мы должны остерегаться его, его психической силы, но когда мы делаем зло, мы защищаемся.

– Следовательно, вы также делаете зло? – с готовностью съязвила я.

– Только спасая свою жизнь: она у нас одна.

– И все элементарлы настолько порядочны, как господин Страшная Сила? – ележным голосом томно пропела я.

Вздвигнув, Мадим подошел к кровати, поцеловал мою руку и ушел, пожелав пленнице спокойной ночи.

– Если б когда-либо кто-нибудь сказал мне, что я, человеческое дитя, окажусь в руках материализовавшегося духа, сочла бы этого индивидуума невменяемым.

За окном запел соловей. Он пел про родной дом, улыбки моих еще не родившихся внуков, он пел про Алинку и Олега, Аллочку и Жанку, Марго и Карлоса. Будто во сне открылась тяжелая дубовая дверь, молодой слуга вкатил столик с ужином. Он что-то говорил мне, о чем-то спрашивал, но, убаюканная певчей птичкой, я сладко заснула.

Глава 9. Хесед

Утро не принесло успокоения. За узким высоким окном темнело пасмурное небо, накрапывал дождь. Настроение было прескверное, да и какое настроение может быть у узницы?

Раздался стук в дверь, вошел слуга:

– Госпожа, вас просят спуститься к завтраку, он состоится через полчаса в большой зале замка, – высокомерно произнес он.

– Замка? – осмысливая заманчивое предложение, удивленно переспросила я.

Лакей важно кивнул и удалился.

– Ладненько, – подумала я, – мне разрешено выходить из этой осточертевшей комнаты, а это уже хорошо. Но в чем же я спущусь к принятию пищи?

На раритетной кушетке лежало красивое длинное платье из голубого атласа.

– Что за маскарад! – подозрительно рассматривая доисторический прикид, удивилась я, но экзотическую вещичку все же надела, ибо идти к Максу в полупрозрачной батистовой ночнушке было неприлично.

Наскоро умывшись под тонкой струйкой воды над большой ванной-бассейном белоснежного мрамора, отделанной позолотой, причесавшись изящным черепаховым гребнем, я открыла ненавистную дверь.

Да, это был замок! И производил он мрачное впечатление: узкие окна, сводчатые арки дверей, извилистые и внезапно исчезающие лестницы, наконец, странная форма фигур и украшений в виде драконов и демонов. По моей коже поползли мурашки. Крутая лестница подошла к концу, и огромный зал предстал моему взору. Никогда я не видела ничего более роскошного. Да и что я видела! Стены великолепного помещения были увешаны тяжелыми антикварными доспехами, разнообразным элитным оружием и темными картинами эпохи Возрождения. Убранство этого святилища составляли также античные бюсты вместе с изумительными по красоте креслами и огромным дубовым столом. Во главе стола собственной персоной восседал Максим Анатольевич Ветров.

Потрясенная происходящим со мной, я остановилась перед Мадимом, как вкопанная. Он поднялся с места, неспешно подошел ко мне, взял под руку и усадил рядом с собой.

– Доброе утро, – приторно улыбаясь, проговорил дух.

– Привет, – буркнула я, разглядывая фарфоровые тарелки тончайшей работы и тщательно вычищенное столовое серебро.

– Как спали? – сладко поинтересовалось привидение.

– Прекрасно! – фыркнула я, косясь на золотые вазы с заморскими фруктами.

– Вы чрезвычайно прелестны сегодня, – ласково пропел похититель.

Вспомнив, что вся моя косметика осталась в прежней жизни, я вспыхнула от негодования, но быстро взяла себя в руки.

– Вы очень любезны, граф, – съехидничала я, подражая тону средневекового вельможи.

На красивом лице Макса проявилось удивление.

– Откуда вы знаете о моем титуле? – обомлел он.

– Да уж знаю, – совершенно ничего не понимая, озадаченно пробормотала я. – Впрочем, разве элементарно не могут быть графами?

– И не только графами, – не скрывая, что издевается над моим недоумением, засмеялся Мадим, – а еще и герцогами, королями, принцами, кардиналами. Сколько земных духов вершили суд над не в меру любопытными людьми во времена инквизиции!

– Неужели любознательность подлежит сожжению на костре? – нахмурила брови я. – Тем не менее, Галилея произвели в святые.

– Человечество не должно знать больше, чем должно знать, – важно провозгласил Ветров.

Принесли завтрак. Ели и пили молча, а после завтрака Повелитель Стихий, взяв меня за руку, повел в парк. Дождь прошел, из-за облаков неуверенно выглянуло солнышко. Лес вокруг замка был расчищен, земля покрыта прекрасным дерном и украшена садовыми клумбами. С обеих сторон древней крепости были воздвигнуты две террасы. С левой террасы открывался вид на очаровательный сад. С правой – на небольшое зеркальное озеро.

– Где мы, Мадим? – осмелившись, задала я давно мучивший меня вопрос.

– Во Франции, Алиса, в старой великой Франции. Здесь и только здесь будут жить мои потомки, – после некоторой паузы ответил злодей.

– Не думала, что в наше прогрессивное время можно киснуть в таком мрачном доме, – постаралась подколоть я спутника. – Если у вас много денег, граф, почему бы не иметь виллу на берегу Средиземного моря?

– Это мой дом и мой излюбленный век, Алиса, – трепетно дотронулся до моего плеча фантом.

– Как... век? – не поняла я.

– Элементал волен сам избрать себе время обитания. Я выбрал семнадцатое столетие.

Наэлектризованная рука призрака начинает действовать мне на нервы. Спокойно, Алиса, спокойно!

– Вы можете путешествовать во времени? – уворачиваясь от жгучих пальцев мучителя, пролепетала я.

– Легко, любимая, – улыбнулся одними уголками губ Страшная Сила.

Последняя фраза ненавистного собеседника заставила меня насторожиться. Надо было выбираться из царства царя Гороха, то бишь, короля Людовика Четырнадцатого, пока не сожгли на костре за знания, бесплатно полученные в суровой советской школе.

Обед и ужин прошли довольно уныло. Обдумывая свое карикатурное пребывание в средневековом замке в обществе влюбленного привидения, я молчала. Мадим читал мои мысли и все более мрачнел. Перед сном он без стука вошел ко мне в спальню, сел на кушетку и объявил:

– Отныне ты никуда не денешься от моей любви, Алиса, никуда не убежишь. Время тоже подчиняется мне, а потому успешно сделает свое дело: ты забудешь прошлое, настоящее проникнет в тебя. Да и куда бежать? Кто поймет менталитет человека из будущего, где устроишься ты на работу, где найдешь себе кров? Разве только станешь куртизанкой в борделе Парижа, но вряд ли обстоятельная мать семейства захочет себе такой участи!

– Ты все продумал, – вздохнула я, отлично осознавая, что переход на «ты» произошел не случайно: Макс не собирался больше со мной церемониться.

– Я люблю тебя, красавица. Ты, именно ты, должна родить мне сына, чтобы подарить бессмертие.

И снова взорвались и запылали черные головешки факелов, чтобы угодливо озарить равнодушное пространство чужого обиталища.

– Но я не люблю тебя, Мадим, – игнорируя бесящиеся багровые блики, жалобно говорила я.

– И кого же ты любишь? – с издевкой спросил он.

Вспомнив неверного Сергея, ушедшего к другой, пусть даже и с посторонней помощью, я печально вздохнула:

– Никого.

– Тогда полюбишь меня, – быстро распорядился фантом и глазами потушил буйствующие огнища.

Могущественный самоуверенный мужчина резко встал со своего места. Гипнотизируя меня чарующим взглядом, пружинистой походкой он подходил к кровати ближе и ближе. Присев на колени возле смятой постели, он сильными ладонями обхватил мою голову и протянул к своему красивому лицу. Резко очерченные губы властно закрыли мой рот. Я попыталась вырваться, но странное оцепенение сковало обреченное на безумие тело.

Внезапно хлесткий солнечный лучик прорезал полумрак средневековой спальни. Ослепительный свет заполнил окружающее пространство. Повелитель Стихий вскочил на ноги, а я в неудобной позе замерла на кровати. Посреди комнаты стоял прекрасный мужчина в белых одеждах. Он явно гневался и явно не на меня.

– Остановись, Мадим! – крикнул загадочный избавитель. – Что ты делаешь? Нельзя совершать насилие над чистой душой! Всевышний покарает тебя!

– Мне нужно бессмертие, Хесед, – потрясенно проронило привидение, – а она способна дать вечную жизнь.

– Да, но только по своему желанию, – понизил голос незнакомец. – Таков закон небес.

– Я люблю ее, друг, – с надеждой заглянул в глаза оппоненту Макс. – А ты знаешь, что такое – любовь, ангел Любви.

– Но я еще и ангел Сострадания, Страшная Сила, – строго уточнил небожитель.

– Так пожалей меня! – помертвев, прошептал элементал.

– А кто пожалеет ее, обманутую, слабую и беззащитную? – вскинул брови белокурый пришелец.

– Я обращусь за помощью к Астароту, и он поможет, он всегда помогает сильным и амбициозным, – грозно пообещал призрак.

– Да, дух Тьмы силен, не спору, – с горечью отозвался красавец, но, к счастью, он не сильнее Бога. Он мудр и не станет спорить с Создателем даже из-за тебя.

– Астарот помог душевнобольным, по макушку помешанным на деньгах, получить баснословные богатства в то время как основная масса населения обнищала, – продолжал бормотать Ветров. – В той же России в исключительно короткий срок кучка любимцев мудрого князя Теней обворовала народ, создававший эти богатства десятилетиями. Куда смотрел Он?

– Воры неизбежно получают по заслугам, если не на этом свете, то на том, – спокойно заявил спаситель, – а дух Тьмы, устав от своих злодеяний, добровольно удалился в пустыню Скорби. Не тревожь его, элементал, успокойся. Родится еще непорочная душа, которая полюбит тебя.

С этими словами лучезарный ангел подошел к кровати. Прекрасное лицо Хеседа показалось мне знакомым, родным и близким. Наклонившись, он протянул ко мне руки и, словно пушинку, легко и бережно поднял к своим волшебным лазоревым глазам, в которых безмятежно плескалось море. А через мгновение мы взлетели с ним в темное небо. Голубой вихрь с готовностью подхватил нас и со стремительной силой увлек туда, куда звало меня мое маленькое стойкое сердечко.

Глава 10. Ангел любви

Карлос тряс меня за плечи, а Марго, спрятав острые коготки, пыталась делать массаж грудной клетки мягкими лапками.

На старом кресле, словно обыкновенный человек, сидел прекрасный ангел и с грустью смотрел на усилия, которые предпринимают мои друзья. Увидев, что я открыла глаза, он нежно улыбнулся и подсел ближе.

– Как дела? – сверкнув белоснежными зубами, ласково поинтересовался он.

– Хорошо, – ответила я, отлично понимая, что до хорошего очень далеко. – Спасибо за избавление, Хесед.

– Не стоит, – заскромничал неземной мужчина.

– Почему вы спасли меня? – поправляя на груди батистовую сорочку, смущенно осведомилась я.

– Иногда мне приходится помогать чистым душам, – вспыхнул от замешательства небожитель.

– Расскажите о себе, пожалуйста, – покрываясь алым румянцем, пробормотала я.

– В далекие времена я тоже был элементом, Алиса, но в своей среде считался духом добра, – опустил длинные ресницы избавитель. – А потом Он забрал меня к себе, и я стал ангелом Любви и Сострадания

– Олицетворяющий любовь, любите ли вы кого-нибудь сами? – вспоминая нежные прикосновения невидимого существа, улыбнулась я.

Ведь были же они, были тогда, до прихода в мою жизнь Маргариты и Мадима!

– Люблю, – отозвался Хесед, – я давно люблю мирскую женщину.

– Вы – небесное создание, – не поверила своим ушам я. – Дозволено ли небожителю жениться на любимой?

– Нет, – смиренно произнес красавец.

– Как же вы страдаете, мой спаситель!

Он жесток, если...

– Я не страдаю, Алиса, – вздрогнул от моих мыслей несчастный. – Ангелы имеют право любить земных жителей, но любовью творческой; они всегда и непрерывно сохраняют чувство счастья духовного обладания любимым существом.

– Вы не ведаете радости познания тела возлюбленной, – нравоучительно изрекла я.

– Мечты и плоды воображения являются действительностью гораздо более реальной, чем морочащая вас фальшивая реальность чувств физических, – отчаянно пламенея, прошептал небожитель.

Зазвонил телефон, и услужливая Марго притащила мне трубку.

– Алло! – орала в ухо Жанка. – Алло, Алиска, где ты пропадала?

– Подожди минутку, – попросила я и оглянулась в поисках слуги самого Господа, но Хесед исчез, словно его никогда и не было.

Комната превратилась в безлюдную пустыню, стало пусто и холодно.

– Алиска, – не унималась сестричка, – мы волновались, обзвонили все больницы, морги, заявили в милицию. Алинка без конца плачет, а ей нельзя волноваться!

– Да вы что, с ума посходили? – изумилась я. – Меня не было всего сутки.

– Это ты чокнулась, – возмутилась трещотка. – Эх ты, непутевая мамаша, бросила детей на целых десять дней.

Раздосадованная явной ложью, я отключилась.

Материализовавшийся Карлос внимательно смотрел мне в глаза.

– Да, ты отсутствовала больше недели, дорогая, – печально произнес он. – Не удивляйся, время можно сжать и растянуть. Мадим сжал его. Он надеялся, что твои родственники забудут свою Алису за время ее невольного пребывания в средневековой Франции.

В дверь забарабанили, а когда я открыла ее, взмыленные от быстрого бега мои такие любимые дети ворвались в дом и повисли на родительской шее, а я заплакала от счастья, что снова их вижу.

– Где ты была, мама, – всхлипывала любимая дочка, – где ты была?

– Почему не предупредила, что исчезнешь? – вопрошал ненаглядный сыночек.

– Ты искала работу? – тараторила невеста откуда появившаяся Жанка

– Нет, мои драгоценные, я была в плену, – смущенно улыбнулась я.

– У чеченцев? – ахнула Аллочка.

– У своей неvezучести, – вздохнула я. – Вы же знаете: я родилась тринадцатого числа.

После ахов и охов, произнесенных в избытке шокированными слушателями – я придумала им невразумительную байку о вызове меня на работу в район Крайнего севера, а потом отказе от трудоустройства по причине моего преклонного возраста – мы, наконец-то, остались с Жанной одни.

– Ну а теперь колись, негодяйка, где пропадала? – рявкнула нежная сестричка. – Меня-то уж ты не проведешь!

– Не могу соврать тебе, Жанночка, – попыталась подлизаться я к сестре, – хотя и говорить правду страшно.

– Говори! – взвизгнула сестренка. – Выкладывай все как на духу!

– Максим Анатольевич Ветров похитил меня, я была у него в плену.

– Ха-ха-ха! – развеселилась поклонница красавчика Макса. – Не верю!

– Но ты же не можешь отрицать, что Ветров пропадал то время, которое отсутствовала и я? – по-собачьи заглядывая в глаза обманутой, пропыхтела я.

Жанка положила руку на мой лоб и принесла термометр.

– Отлично понимаю, что ты хочешь моего жениха, как мартовская кошка, Алисонька, – сочувственно взглянув на меня, продекламировала влюбленная «невеста», – но каждый вечер Ветров прилетал ко мне, как южный ветер в пустыню Сахара. Кстати, сегодня принесется снова.

– Жанна, поверь, он не любит тебя, – схватила за голову я. – Он пользуется тобой ради достижения своей цели!

– Какой цели? – возмутилась глупышка. – Врешь! Ты всегда была удачливее меня, но на этот раз нашей красавице крупно не повезло. Надо же, как это тебя задело: в отместку за то, что Макс предпочел меня, ты захотела опорочить честного человека, погубить нашу необыкновенную любовь. Какая же ты стерва, лиса Алиса!

Жалобно всхлипнув и поправив на ушах лапшу, Жанка гордо удалилась восвояси. Я осталась при своих интересах.

Марго недобро фыркнула вслед гостье, а добрый, старый Карлос дотронулся до моего плеча и что-то проговорил. Дернувшись от неожиданности, я подняла на него заплаканные глаза.

– Не плачь, доченька, – прошелестел домовой, – слезами горю не поможешь.

– А чем поможешь? – прорыдала я. – Он обманет ее, она будет страдать, мне ее жалко...

– Жанна никогда не поверит тебе, ласточка, пока сама не убедится в непорядочности «суженого», – протянул мне носовой платок элементар. – А страдать на немилосердной земле ей осталось мало.

– Сколько? – вздрогнула я.

– Это ведает только Всевышний, – пожал круглыми плечиками Жемчужный.

– Откуда ангел Любви и Сострадания узнал о моем пребывании в заточении? – я вытерла горькие слезы и решила перескочить на другую, не такую больную, тему.

– Я известил его о том, что ты пропала, – с гордостью пояснил добродетель.

– Спасибо, огромное спасибо! – я обняла покрасневшегося домового и прижалась щекой к его пухлой щеке. – Почему Страшная Сила подчинился Хеседу?

– Хесед – обитатель Рая, а элементалы, как бы могущественны они не были, по иерархической лестнице стоят ниже небожителей, – ободряюще похлопал меня по плечу недавно приобретенный друг.

– Ты был в Раю, Карлос? – вспоминая сказочный замок и голубую комнату, всхлинула я.

– Только у его дверей, Алиса, – вздохнул большой воздушный шарик, – дальше меня не пустили.

– Какое оно, жилище святых? – рассеянно произнесла я.

– Говорят, Рай огромен, – мечтательно прищурился старичок-боровичок, – и каждой чистой душе есть в нем место. Рай необыкновенно прекрасен, ибо создан он любовью Создателя. Рай – мечта каждого элементала, а потому мы ни в чем не перечим его жителям. Они выше нас, они лучше нас, а мы лишь можем мечтать пасть пред святыне очей Господа и взмолиться Ему, чтобы когда-нибудь Он взял нас к себе.

– А Ад, Карлос, ты видел его? – изумляясь красоте тирады призрака, осведомилась я.

– Я был и у врат Ада, он ужасен, – схватился за голову домового.

– Расскажи.

– Не хочу, дорогая, – вздрогнул, как от удара, Жемчужный, – не могу. Ад это леденящий страх. Горе тому, кто попадет туда!

– Жанна не угодит в Ад? – вспоминая злобность любимой сестрицы, испугалась за нее я.

– Если не наделает еще каких-либо глупостей, она окажется в Чистилище, – неожиданно равнодушно зевнул дух и прикрыл осоловевшие от внезапно наступившей дремоты глаза.

– Чистилище? – ахнула я.

– Да, там пустота и забвение, там совесть правит бал. И никогда, слышишь, никогда бессовестная душа не поднимется в небеса, дорога ей вниз, – снова зевнул рассказчик.

– Но есть ли надежда на спасение тому, кто мается на половине пути к Раю? – ущипнула я засону за щеку.

– Выстрадав, очистившись от земных грехов, если они были невелики, душа улетает к Господу, – не обиделся на меня Жемчужный. – Алиса, я хочу есть.

– Мадам только что из французского замка, – кокетливо улыбнулась я, – а там обеды на вынос не полагаются.

– В чем дело! – оживился призрак и жестом фокусника открыл холодильник: бедное металлическое изделие было забито снедью, словно желудок обжоры после свадебного застолья. Только, в отличие от честно добытых продуктов питания, находящихся в животе у любителя пожрать, еда в холодильнике была сплошь ворованной.

– Кто-то говорил, что никогда бессовестная душа не поднимется на небеса обетованные, – поморщилась я, обмениваясь многозначительными взглядами с Марго, молчаливо сидящей до сих пор на телефонном аппарате. – Ты не знаешь, Маргарита, кто это?

Кошка улыбнулась, показав маленькие белые клыки.

Глава 11. Сергей

Смирнов валялся на тахте и смотрел в потолок. Не хотелось ни о чем думать, ничем заниматься. Ниночка уехала к подруге, не оставив ему приличного обеда. Пакетик с «горячей кружкой Маги», замороженные блинчики да баночка несвежей красной икры явно не заводского происхождения – вот и вся еда, лежащая в холодильнике. На плите восседал холодный пузатый чайник, нетерпеливо ждущий исчезнувшую хозяйку. Но хозяйки в квартире не было, она предпочитала общение с подругами семейному очагу. И своему мужу. Почему он бросил Алису, Сергей так и не понял. Какая же она ласковая, домашняя, уютная, красивая, наконец. А какая она хорошая мать, воспитавшая таких примерных детей! Его детей. Говорят, Алисонька очень похорошела, как он, Сергей, ушел от нее. Так отчего же все-таки неряшливая, грубая Нинка оттеснила от него нежную, заботливую прежнюю жену?

Неожиданно, не объяснив причины, уволилась опытная, пожилая секретарша Анна Васильевна, и яркая молоденькая брюнетка пришла устраиваться вместо нее, а поскольку она была довольно смазлива, да к тому же неплохо знала делопроизводство и лихо печатала на компьютере, директор предприятия принял ее с распростертыми объятиями. Наваждение пришло после первой выпитой чашки кофе, а потом все в его жизни закружилось и поехало, да только не в ту сторону. Он легко расстался с бывшей любовью, мечтая о будущей. Сотрудники недоуменно переглядывались и крутили пальцами у висков: шеф годился секретарше в отцы. Впрочем, этим удивить сейчас кого-либо невозможно, только вульгарная новоявленная сотрудница в подметки не годилась интеллигентной Алисе Михайловне. Пошушукалось рабочее братство по углам, повозмущалось, да и утихомирилось: Смирнову виднее, на то он и директор.

Нинка обитала в трехкомнатной квартире элитного дома. Откуда у секретарши деньги на крутое жилье, оставалось только гадать. А гадать не хотелось. Хотелось наслаждаться ее юным телом, вдыхать аромат волшебных французских духов, которыми Алиса, кстати, не пользовалась, ибо предпочитала запах чистоты. Все, чем жил раньше Сергей, больше не имело никакого значения, сила воли, которой он так гордился, покинула его, сделав ручкой. Тогда и отказал он «бывшей» в деньгах, отлично понимая, что оставил прежнюю семью без средств к существованию.

«Ну и наплевать, перебыются, – отмахнулся он, – главное, не разрешила Ниночка».

Совість уснула крепким сном и больше не будила хозяина.

С первых же дней совместной жизни Нинка, вволю умаслив сексом шефа, убегала из дома, оставляя пылкого любовника заниматься домашними делами. Причины побегов были разные, но факт оставался фактом: хозяйка из юной соблазнительницы была никудышная.

– Все хорошо не бывает, – успокаивал себя Сергей, брался за пылесос и начинал наводить порядок в квартире, которую, по непонятным ему причинам, так и не мог полюбить. Потом лез в холодильник, доставал очередную пару яиц и жарил глазунью, сглатывая слюну от голода.

Алисины обеды ушли в прошлое. В будние дни питался Смирнов в мерзкой кафешке, ибо на более достойное заведение, в силу своей честности, не зарабатывал, а в малочисленные выходные ехали они с Нинкой на «вольво» в ресторан. Там молодая жена доставала из крокодиловой сумочки пачку «зеленых», размахивала ими и вульгарно орала:

– Официант!

Дамы и господа, сидящие за столиками, недоуменно оглядывались на эксцентричную девицу, а Сергей густо краснел, вытирая платочком выступавший на лбу пот, однако заискивающе улыбался благодетельнице.

– Что же я делаю? – лихорадочно думал он. – До чего же я докатился!

«Вольво» тоже был ее. Свои новенькие «жигули» Смирнов оставил в гараже: возлюбленная наотрез отказалась в них ездить, пусть даже и пассажиркой.

А однажды он увидел ее в чужом «мерсе» с тонированными стеклами. Ниночка выпорхнула из него, помахала кому-то ручкой и, сияющая, пошла на мужа, совершенно не замечая его. Вот тогда-то страшная догадка потрясла влюбленного джигита: у него выросли рога. А, возможно, растут уже давно.

Разговор на повышенных и пониженных тонах ничего не дал, молодая жена удивленно рассматривала рогача и молчала. А потом плюнула на пропылесосенный мужем пол и ушла спать. Сергей остался один. Он метался по элитному жилью, как зверь в вольере, нелепо жестикулировал руками, привыкшими раздавать указания, сосал валидолину за валидолиной, рычал, задыхался от жалости к себе и любви к ней. Затем почувствовал резкую, жгучую боль где-то за грудиной, схватился за эту боль и опрокинулся на спину, понимая, что летит куда-то вниз, бешено вращаясь по кругу в узком, темном коридоре навстречу яркому молочно-белому свету.

– Сереженька, – обрадовался кто-то его появлению, – внучек родимый, подойди ко мне.

Голос был ласковый и знакомый, он напомнил далекое детство, глиняный кувшин молока, поставленный доброй рукой на выскобленный деревянный стол, смеющиеся синие глаза, когда-то с любовью смотревшие на него. Это были глаза умершей бабушки. Невыразимая радость охватила изболевшуюся душу, удивительный покой опустился на израненное дикой болью сердце.

– Золотиночка моя родная, – гладила голову невесомыми руками сама Любовь, – не возвращайся туда, там холод и страдания, останься здесь.

«Да, да, да, – отдаваясь эфирным ладоням, подумал он, – я останусь возле тебя, так как там я никому не нужен».

– Мы теряем его! – закричали из серого, вязкого, густого тумана.

– Я не хочу назад! – яростно запротестовал кто-то внутри Сергея. – Я не хочу назад!

Кубы, маленькие и большие, фиолетовые, голубые, розовые, синие, серпантинном посыпались откуда-то сверху, отделяя усталую душу от любящего ее создания. Они были легкие, полупрозрачные, чистые. Они выстраивались ровными рядами и распадалась в хаотичном танце, отнимая надежду на спасение и сострадание. С тоской протягивая к нему руки, бабушка стала медленно удаляться, словно уплывать в неведомую даль.

– Мы еще встретимся, – словно легкий весенний ветерок, прошелестел ее голос, – мы еще встретимся.

– У папы инфаркт, он в реанимации! – голос в трубке захлебывался от рыданий. – Он умирает!

Плакала моя Алинка, а я, поднятая среди ночи телефонным звонком, растерянная до невменяемости, не могла сообразить, что можно предпринять в данной ситуации.

Такси ждет тебя уже несколько минут, – спокойно и холодно проговорил домовый.

– Он не умрет, Карлос, миленький, он не умрет? – заметалась я по комнате, хватая что-то из одежды, чтобы наскоро напялить на свое физическое тело.

Тяжело опустив веки, Жемчужный молчал.

– Он не умрет, Карлос, – просила я, сама не зная кого.

О нет, я, конечно же, знала, знала, что умоляю того, кого нельзя тревожить по пустякам. Но сейчас был не пустяк, сейчас уходил близкий, родной человек, отец моих детей!

– Иегова, прости мне все грехи умышленные и неумышленные, возьми меня, но не забирай его! – кричало мое бунтующее сердце, когда непослушные ноги перебирали ступеньки навстречу вызванному такси.

– Яхве, – отчаянно взывала моя вопящая душа, когда я заходила в приемное отделение стационара, – верни его на землю, он еще так мало жил!

Молодой озабоченный доктор промчался мимо меня в сторону отделения реанимации, худенькая, юркая сестричка пролетела в противоположном направлении. Приехали дети, полукругом встали рядом со мной, будто охраняя от пистолета продажного киллера. В нашей ситуации киллером являлась сама смерть. Она стояла рядом с Сергеем, тем самым Сереженькой, с которым мы недавно справили серебряную свадьбу, с которым вырастили общих детей.

Усталый седой врач вышел из реанимационной палаты и тяжелой поступью направился к нам:

– Он жив, Алиса Михайловна, ваш муж будет жить.

Что-то глухо упало на пол, отозвавшись внезапным эхом в гулкой больничной тишине. Как по команде мы повернулись в сторону этого резкого звука. Дорогая сумочка из крокодиловой кожи валялась у длинных ног стройной, красивой девушки, и той девушкой была наша разлучница. Кровь остановилась в моих воспаленных жилах, по телу поползли мурашки, а в голове зазвенело от обиды на нелепую случайность, которая обратила мой маленький уютный мирок в большой невыносимый кошмар. В бессильной ярости я рванула свое напряженное тело навстречу противнице и мигом подлетела к ней.

– Это вы довели его до инфаркта, – чувствуя нарастающую боль в груди, простонала я.

– Глупости, – хмыкнула она. – В вашем возрасте сердечно-сосудистые заболевания не редкость. К тому же, я известила его дочь...

– Почему вы позвонили Алинке, а не мне? – перебила я молодую жену своего бывшего мужа.

– А какое вы имеете к нему отношение? – ядовито усмехнулась она.

«Ничего себе! Спокойно, Алиса, спокойно, не превращайся в базарную бабу»!

– Тем не менее, с сообщением о выходе Сережи из клинической смерти доктор подошел именно ко мне, – мстительно заявила я.

– Само собой разумеется. Разве я похожа на жену старика? – засмеялась разлучница, с интересом поглядывая на раскрасневшегося Олежку.

– К сожалению, Смирнов вас очень любит, – отмечая высокую квалификацию совратительницы, вздохнула я.

– Он мне больше не нужен, – хихикнула девица и кокетливо стрельнула глазами в моего любимого сына.

– Но Сергей не игрушка, Нина, его сердце не выдержит предательства, – воззвала к ее совести моя метущаяся душа, мгновенно забыв про неудобства одинокого женского существования.

– Он выдержит, он забудет меня. Колдовство потеряло свою силу, – поморщилась нахалка и, развернувшись на высоченных каблучках, неторопливо направилась к выходу.

– Да что ты, такая красавица, унижаешься перед ней! – внезапно закричал возмущенный поведением несостоявшейся мачехи Олег. – Эта гадина тебе и в подметки не годится!

Я улыбнулась и посмотрела на прямую, напряженную спину уже не соперницы. Почувствовав на себе мой взгляд, девица обернулась и проткнула меня ненавидящими глазами.

Глава 12. Зависть

– Ты пришла? – губы его попытались растянуться в улыбку. – Алисонька, как я тебя давно не видел.

– Тебе лучше? – проронила я, прекрасно понимая, что дела его плохи.

– Мне хорошо, ты снова со мной.

«Какое бескровное у него лицо. А глаза.... Сколько в них отчаяния и боли»....

– Нина придет позже, она обязательно придет, ты не волнуйся, – вспоминая наглую усмешку девицы, нежно проворковала я.

– Мне не нужна Нина, мне нужна ты.

«Кажется, все беды земные отражаются в этих очах»....

– Не говори так, Сереженька, она моложе меня, ты ее любишь, – судорожно вздохнула я.

«Необходимо найти соперницу и, если будет надо, упасть перед ней на колени, иначе»....

– Это было наваждение, и оно прошло, – твердо отчеканил Смирнов.

– Да? – я заглянула в его беспросветные зрачки и невольно вздрогнула.

– Это было колдовство, – с жаром продолжил свой обличительный монолог самый родной мой человек. – И хотя я никогда не верил в чудеса, они есть: хорошие и плохие. Со мной произошло плохое чудо.

Он поморщился и приложил руку к сердцу:

– Прости старого козла, родная, если сможешь только простить. Иначе я умру.

– Все будет хорошо, – через силу улыбнулась я, – все будет хорошо.

– Когда ты успела развестись со мной, Алиса? – настоящий, а не призрачный мужчина с горечью смотрел на меня. Несколько скупых слезинок показалось из-под его сухих век и увлажнило безжизненную прежде кожу.

– Я никогда не оформляла развода, – недоуменно пробормотала я.

– Я тоже, – широко распахнул глаза Сергей.

Не может этого быть!

– Нина сказала, что бракоразводный процесс провели без меня.

В палату зашел седой доктор.

– Сергею Владимировичу необходим отдых, уважаемая Алиса Михайловна, – пристально оглядывая с ног до головы двадцатилетнюю половину немолодого пациента, строго проговорил он.

В больничном коридоре царила суeta: взад-вперед носились взмыленные медсестры, с безвольно болтающимися фонендоскопами на шеях степенно шествовали деловитые врачи, шмыгали туда-сюда покорные злему року пациенты. Усталый спаситель человеческих тел плюхнулся на пустую соседнюю койку и, вытирая кусочком бинта воспаленные глаза, продолжил свою обычную для таких случаев тираду:

– Состояние больного еще тяжелое, но мы надеемся, мы будем надеяться, что все образуется. Вашему мужу нужен хороший уход. Вы можете обеспечить его?

Вспомнив, что когда-то «уважаемая Алиса Михайловна» окончила медицинское училище, я засучила рукава и принялась за работу. Днем сама делала Сереже все процедуры, по ночам чутко дремала на раскладушке, принесенной Олегом из дома. О разлучнице Нине мы не вспоминали, словно ее никогда и не было.

Смирнов стал выздоравливать. Об этом говорили его порозовевшие щеки, веселый блеск в темно-зеленых глазах, а, самое главное, отсутствие аритмии и болей в испорченном моторчике. По вечерам в больницу приезжали дети, привозили продукты, книги для папы,

журналы для мамы, любовь для наших утомленных несчастьем душ. Жанна не появлялась, племянницы тоже исчезли с горизонта, хотя дружная семейка прекрасно знала о постигшем нас горе.

Прошел месяц, Сергея выписали из стационара домой. Милый лечащий врач предупредил, что ему крайне необходима реабилитация. Путевку на курорт любимому директору предоставили на работе, а через несколько дней после того, как «блудный сын» побывал в родных пенатах, наша семья провожала его в дальнюю дорогу. Сережу теперь радовало все: старый диван, банальный борщ, поданный на обед, мягкая, чистая постель, правда, без представительницы прекрасного пола, поскольку она дипломатично попросила подождать с близостью по причине греховности сожительства с чужим мужчиной. Смирнов понял и смиренно решил потерпеть, милостиво предоставив мне хлопоты по восстановлению брачных штампов в главных документах.

И тогда появилась Жанка.

– Почему не звонишь, забыла о моем существовании? – вяло поинтересовалась она.

– А ты не знала, что Сергей был опасно болен? – вопросом на вопрос ответила я, хотя еще в школе нас учили, что это неприлично.

– Знала, – выдержав длительную паузу, безразлично промямила сестра. – Алиска, я скоро умру.

Говорят, Бог испытывает тех, кого любит, а еще сказывают, что испытаний Он дает ровно столько, сколько человек может вынести. Но, мое сердце наотрез отказывалось принимать следующий удар судьбы; оно справедливо возмутилось, пустившись в дикий, отчаянный пляс, а когда остановилось на мгновение, чтобы передохнуть, в глаза темной тучей поползла спасительная темнота, заполонившая все необъятное пространство головного мозга. Я провалилась в бездну.

– Алиска, очнись, слышишь, – плакала надо мной Жанка, колотя меня по щекам, – только не умирай! Кто же тогда хоронить меня будет?

Окружающие предметы стали приобретать свои прежние размеры и очертания, открывая моему взору жестокий, несовершенный мир. Сестра размазывала по впалым щекам косметику и хлюпала красным заострившимся носом.

– У тебя метастазы? – спросила я, удивляясь хриплости своего голоса.

– Да, вчера я ходила к онкологу, он сказал, что повторно оперировать меня не берется: бесполезно.

«Как же она похудела. Наверное, килограммов на десять. Так быстро»...

– Ты должна пройти курс лечения в стационаре, Жанна. Люди выкарабкиваются еще и не из таких ситуаций, – зачем-то соврала я.

– Рентгенотерапия и химиотерапия мне уже не помогут, – подкрашивая синие губы вульгарной красной помадой, горько прошептала несчастная, – а я так хочу жить!

– А метод Шевченко? Золотой ус? Табак? Болиголов? – вспоминая невероятные случаи исцеления умирающих, о которых я прочитала в ярких брошюрах, пробормотала я.

– Ерунда, я ни во что не верю! – чувствуя мою неискренность, усмехнулась Жанка.

– Без веры нет исцеления! – фальшиво возвала я к ее мужеству.

– Поздно!

– Дети знают, что ты неоперабельна? – использовав все аргументы, вздохнула я.

– Да. Макс знает тоже.

– Уж он ведает об этом точно и давно, – с ненавистью хмыкнула я.

– Почему ты так говоришь, Алиса? – бесцветным голосом произнесла сестричка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.